



ПРАВО ПО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Светлана Иневатова

18+

Светлана Иневатова

Право по предназначению

«Автор»

2026

Иневатова С. А.

Право по предназначению / С. А. Иневатова — «Автор», 2026

Учёная отправляется на поиски ответов, способных изменить представление о человеческой природе. Но чем дальше продвигаются исследования, тем тоньше становится граница между возможностью и правом. Когда чужие судьбы начинают превращаться в расчёты, а предназначение — в оправдание контроля, каждому приходится ответить на главный вопрос: имеет ли кто-то право решать за другого, кем ему быть и какой должна стать его жизнь?

© Иневатова С. А., 2026

© Автор, 2026

Светлана Иневатова

Право по предназначению

Глава I

Погрешность

Сура посмотрела на часы только потому, что прибор снова ушёл в калибровку.

До этого времени как будто не существовало. Были две культуры, одна контрольная серия, сорок семь минут до следующего замера и старый анализатор, который в третий раз за вечер решил, что ему положен отдых. На экране медленно ползла полоса загрузки, рядом мигал жёлтый индикатор. Сура постучала пальцем по краю панели, хотя прекрасно знала, что быстрее от этого ничего не станет.

Двадцать один сорок три.

Она несколько секунд просто смотрела на цифры.

Потом вспомнила.

— Чёрт.

За соседним столом поднял голову техник. До этого он почти лежал на локтях над разобраным блоком охлаждения, периодически ругаясь с ним шёпотом.

— Что?

— Ничего.

Сура снова посмотрела на экран анализатора. До окончания калибровки оставалось четыре минуты. После неё нужно было запустить следующий замер, проверить отклонение, переставить вторую культуру и, если результаты подтвердятся, оставить серию ещё минимум на два часа. В идеале — до утра. Тогда не пришлось бы восстанавливать промежуток по неполным данным и надеяться, что температура в боксе не сдвинется ещё на пару десятых.

Она обещала быть дома в десять.

Не Роману. Деметре.

Это почему-то имело значение.

Сура сняла перчатки, выбросила их в контейнер и потянулась к журналу. Техник снова поднял голову.

— Ты куда?

— Домой.

Он посмотрел на часы, потом на неё.

— Сейчас?

Вопрос прозвучал так искренне, что Сура нахмурилась.

— А что?

— Ничего. Просто обычно в это время ты говоришь, что уже поздно уходить.

— Сегодня не обычно.

— Понятно.

Ничего ему не было понятно. И хорошо.

Сура быстро записала последние показатели, оставила пометку по температуре и дважды перечитала собственную запись. Всё равно раздражало. Серия шла чисто почти шесть часов. Если следующая точка окажется важной, утром придётся строить объяснения вокруг отсутствующего куска. Можно было, конечно, остаться ещё на сорок минут, снять один замер и уйти после него.

Сорок минут.

Дема, скорее всего, ещё не спит.

Сура закрыла журнал.

— Если калибровка закончится нормально, ничего не трогай до утра.

— Я и не собирался.

— Вообще ничего.

— Сура. Я здесь работаю.

Она посмотрела на него.

— Иногда это незаметно.

Техник фыркнул и снова склонился над своим блоком.

Сура надела куртку. Уже у двери остановилась, вернулась, проверила фиксацию бокса и только после этого вышла.

В коридоре было почти пусто. Ночная смена ещё не началась, дневная давно разошлась, и между ними лабораторный корпус на короткое время становился непривычно тихим. Где-то за стеной работала вентиляция. В конце коридора женщина в серой форме толкала тележку с контейнерами и напевала что-то себе под нос.

Сура прошла мимо окон.

За стеклом Тарба жила обычным вечерним ритмом. Свет в жилых секторах, редкие машины, патруль у внутреннего перехода. Над дальними зданиями виднелась тёмная линия защитных конструкций. Город выглядел надёжным. Насколько вообще что-то могло выглядеть надёжным после того, как мир однажды уже доказал обратное.

Она поймала себя на мысли, что снова считает время.

Двенадцать минут до дома, если не придётся ждать на переходе.

Дема ещё будет бодрствовать.

Скорее всего.

Если Роман не уложил её насильно.

Нет, не уложил. Он обещал оставить это ей.

Сура ускорила шаг.

Дома пахло жареным луком и чем-то сладким.

Она успела снять ботинки, когда из комнаты донёсся быстрый топот.

— Мама!

Дема появилась в коридоре в длинной футболке, которая когда-то была ей почти до пола, а теперь заканчивалась чуть ниже колен. Волосы распущены, одна прядь прилипла ко лбу. Вид у ребёнка был слишком бодрый для человека, которого собирались укладывать спать.

Сура посмотрела на часы. Двадцать два ноль четыре.

— Ты почему не в кровати?

Дема остановилась.

— Ты обещала.

Вот так. Без обвинения. Просто факт.

Сура почувствовала короткий укол раздражения и сразу поняла, что раздражена не на неё.

— Я пришла.

— На четыре минуты позже.

— Катастрофа.

Дема серьёзно кивнула. Из кухни выглянул Роман.

— Не поощряй её способность превращать четыре минуты в семейную драму.

— Ты сам сказал, что после десяти считается поздно.

— Я сказал это вчера, когда она пыталась объяснить, почему половина одиннадцатого — ещё вечер.

Дема посмотрела на мать.

— Так и есть.

— Иди чистить зубы.

— Я уже.

— Проверю.

— Мама!

— Значит, есть что проверять.

Дема закатила глаза почти профессионально и ушла обратно в комнату.

Роман подождал, пока она исчезнет за дверью, и только потом посмотрел на Суру.

— Успела.

— Почти.

— Для тебя считается.

Она стянула куртку и повесила на крючок. Роман улыбнулся и вернулся на кухню.

На столе стояла её тарелка, накрытая другой сверху. Сура сняла крышку. Картофель, мясо, салат. Всё ещё тёплое.

— Ты ел?

— Мы оба ели. Это твоё.

— Я могла разогреть сама.

— Я потрясён.

Сура села. Роман вернулся к стулу напротив, где лежала раскрытая папка с бумагами. Несколько секунд оба занимались своим. Она ела, он перечитывал страницу, иногда делая пометки карандашом.

Обычный вечер.

И именно это почему-то мешало.

Сура знала этот стол. Царапину возле края оставила Дема, когда в пять лет решила самостоятельно открыть консервную банку ножом. Роман потом два дня рассказывал всем, что мебель пострадала меньше его нервной системы. Чашка справа была его. С отколотой ручкой. Он упрямо не выбрасывал её третий год. За дверью Дема что-то напевала, потом уронила, судя по звуку, половину содержимого полки.

Сура продолжала жевать и одновременно думала о культуре в лаборатории.

Температура могла стабилизироваться. А могла нет.

Если отклонение было связано не с внешней средой, а с самим образцом, пропущенный замер становился важным.

Она отложила вилку.

— Что?

Роман смотрел на неё поверх бумаг.

— Ничего.

— Ты опять там. В лаборатории.

Сура нахмурилась.

— Я сижу перед тобой.

— Физически — да.

Это раздражало сильнее, потому что он был прав. Она снова взяла вилку.

— Там серия осталась. Завтра часть данных придётся восстанавливать.

— Тогда зачем ушла?

Сура посмотрела на него. Роман выдержал взгляд.

Он вернулся к документам. Вот именно поэтому с ним иногда было невозможно спорить. Роман не давал нужных реплик.

Сура доела почти всё, отнесла тарелку в раковину и услышала из комнаты:

— Мам!

— Иду.

Дема сидела на кровати с книгой на коленях.

— Ты сама выбрала?

— Папа.

— Тогда понятно, почему такая толстая.

— Там картинки есть.

— Это меняет дело.

Сура села на край кровати. Дема тут же подвинулась ближе, устроившись плечом у неё под рукой. Движение получилось настолько привычным, что Сура даже не сразу заметила его.

— Где остановились?

Дема перелистнула несколько страниц.

— Тут.

— Ты загнула угол.

— Нет.

— Я вижу.

— Он сам.

— Книга решила отметить страницу?

Сура посмотрела на неё. Дема продержалась две секунды.

— Разогни. Сейчас.

Дема с тяжёлым вздохом разгладила угол.

— Ты всегда всё замечаешь.

— Это полезно.

— Папа говорит, иногда нет.

Сура подняла бровь.

— Он сказал, что ты замечаешь, когда чашка стоит не там, но можешь не заметить, что человек хочет спать. Папа много говорит. А ты мало.

— Баланс.

Дема подумала и кивнула, будто аргумент был вполне убедительным.

Сура открыла книгу.

Читать пришлось недолго. Через десять минут Дема начала моргать медленнее, ещё через пять перестала задавать вопросы. Сура дочитала абзац, закрыла книгу и осторожно вытянула её из-под руки.

— Мам.

— Я думала, ты спишь.

Сура положила книгу на тумбочку. Дема повернулась на бок.

— Ты завтра тоже поздно?

Сура остановилась. Самый простой ответ — нет.

Она почти произнесла его.

Завтра нужно было проверить серию, обсудить результаты и до конца дня закончить расчёты для экспедиционной группы. Если данные окажутся интересными, всё легко уедет за полночь.

— Постараюсь нет.

Дема открыла глаза.

— Ты всегда так говоришь. А потом приходишь поздно.

Сура поправила одеяло.

— Спи.

— Мам. Ты когда уедешь?

Вот оно. Сура не успела решить, что ответить.

— Кто сказал?

— Папа не говорил.

— Я не спрашивала, говорил ли папа.

— Ты вчера складывала вещи.

— Я разбирала шкаф.

— В рюкзак?

Сура посмотрела на неё. Семь лет. Иногда это было полезно помнить.

— Возможно, мне придётся уехать на некоторое время.

— Далеко? Куда?

— Пока не знаю точно.

— Ты же всегда знаешь.

Сура почти улыбнулась.

— Не всегда.

Дема нахмурилась.

Несколько секунд она смотрела на мать. Потом спросила совсем другим голосом:

— Ты вернёшься?

В комнате было тихо. Из кухни донёсся стук посуды — Роман что-то убирал. Сура могла сказать «конечно». Одно слово. Дема бы успокоилась.

Она хорошо помнила взрослых, которые говорили такие слова детям.

Вернись. Забери. Напиши. Приеду. Подожди.

Потом менялись смены, адреса, города, люди. В приюте никто долго не спрашивал, почему обещание не выполнили. Просто через какое-то время переставали ждать.

Сура никогда не считала ложь особенно полезным способом утешения.

— Когда смогу.

Дема нахмурилась ещё сильнее.

— Это не ответ.

— Зато честный.

Дема отвернулась к стене.

Сура некоторое время сидела рядом. Хотелось сказать что-нибудь ещё, но всё, что приходило в голову, звучало либо как обещание, которое она не могла гарантировать, либо как объяснение, которое семилетнему ребёнку было не нужно.

Она положила ладонь Деме на спину. Та не отодвинулась.

Через несколько минут дыхание стало ровным. Сура убрала руку. И почему-то не встала сразу.

Роман ждал на кухне. Не демонстративно. Просто бумаги уже были сложены, чашка стояла пустая, а он сидел и смотрел в окно. Сура закрыла дверь в комнату.

— Ты ей сказал?

— Нет. Она живёт с нами. Это осложняет секретность.

Сура села напротив. Роман повернул к ней чашку, посмотрел внутрь и, убедившись, что там ничего нет, отодвинул.

— Когда?

— Через три дня.

Он кивнул. Никакого удивления. Это было хуже.

— Ты знал?

— Что согласишься? Да.

Роман посмотрел на неё. Сура почувствовала раздражение.

— Не делай так. Как будто уже всё понял.

— Сура, ты последние две недели читаешь маршрут экспедиции за завтраком.

— Это не значит, что я еду.

Она встала, открыла шкаф, достала чай и тут же поставила обратно. Не хотелось.

Роман следил молча.

— Они идут на север, — сказала Сура. — Потом маршрут может измениться. Есть несколько старых исследовательских точек, часть архивов потеряна. Если подтвердятся данные, которые мы нашли...

— Я знаю. Ты рассказывала.

— Я рассказывала общую часть.

Сура опёрлась ладонями о край стола.

— Там могут быть материалы, которых здесь нет. И доступ к зонам, куда отдельную группу из Тарбы никто не отправит. Если я откажусь сейчас, следующего состава можно ждать год. Или три. Или вообще не будет.

Роман кивнул.

Очень хотелось вернуть разговор к маршруту. К составу группы. К причинам, которые можно перечислить по пунктам. Роман смотрел спокойно.

— Дело не в экспедиции, — сказал он.

Вот теперь она села.

— У меня есть возможность присоединиться к серьёзной экспедиции. Это всё.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто уезжаешь не на несколько месяцев?

Она посмотрела на него. Роман не отвёл взгляд.

Вот здесь можно было соврать. Не так грубо, как Деме. Взрослым вообще проще лгать. Они помогают — делают вид, что верят, если понимают, зачем им это нужно.

— Я не знаю, на сколько уезжаю.

Роман провёл ладонью по лицу.

— Ты хочешь уйти от нас?

Вопрос прозвучал без злости. Из-за этого стало труднее.

— Я хочу уехать.

— Я спросил другое.

Сура посмотрела на стол. На знакомую царапину возле края.

— Не знаю.

Роман коротко выдохнул. Не смех. И не вздох.

— Ладно. Это хотя бы честно.

Сура поднялась и прошла к окну.

Во дворе горел один фонарь. Кто-то оставил у стены детский велосипед. В соседнем доме мигнул свет и погас.

— Последние несколько лет я всё время что-то учитываю, — сказала она.

Роман не ответил.

— Сначала это были мелочи. Расписание. Когда ты работаешь. Когда Дему нужно забрать. Потом другое. Я не беру некоторые проекты, если там высокий риск. Не потому что они плохие. Потому что думаю, что будет с вами, если что-то произойдёт.

— Это называется иметь семью.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Сура повернулась.

— В том, что это влияет на решения.

Роман несколько секунд смотрел на неё.

— Конечно влияет.

— Не должно.

— Почему?

Она уже хотела ответить быстро.

Потому что решение должно зависеть от данных.

Потому что риск не становится выше только потому, что дома кто-то будет переживать.

Потому что научная ценность проекта не уменьшается от наличия семилетней дочери.

Потому что...

Ни одна формулировка не звучала так убедительно, как внутри головы.

— Потому что я начала заранее исключать варианты не из-за самих вариантов, — сказала Сура. — А из-за вас.

— Ужас.

Она нахмурилась и снова села.

— Сегодня я ушла из лаборатории. Серия не закончена. Мне нужно было остаться. Но я обещала Деме вернуться к десяти.

— И вернулась. Всё ещё не вижу катастрофы.

— Потому что её нет.

Сура замолчала. Вот именно. Катастрофы не было.

Один пропущенный замер ничего не разрушит. Один отказ от опасной работы не останавливает науку. Один вечер дома не изменит судьбу мира.

Так всегда и происходит. Не одним большим решением. Сначала мелочь. Потом ещё одна. Потом оказывается, что маршрут всей жизни уже построен вокруг вещей, которые когда-то казались временными.

Она помнила кровати в ряд.

Не лица. Лица смешивались.

Помнила шкафчик, который не закрывался, и как одна девочка спрятала туда красивую заколку, найденную на улице. На следующий день заколки не было. Девочка плакала часа два, потом перестала.

Помнила женщину из персонала, которая несколько месяцев приносила ей старые книги. Потом женщину перевели. Никто заранее не предупредил.

Сура тогда не плакала.

Просто перестала спрашивать, когда та придёт.

Очень удобный навык.

— Я не хочу однажды обнаружить, что не сделала что-то важное только потому, что боялась причинить вам боль, — сказала она.

Роман смотрел на неё уже иначе. Не сердито. Устало.

— А если важное — это мы?

Сура почувствовала, как внутри что-то сжалось. Вот поэтому такие разговоры были бесполезны.

— Это разные вещи.

— Для тебя.

Она хотела возразить, но он продолжил:

— Для тебя всё можно разнести по разным ящикам. Работа. Семья. Риск. Обязанность.

А потом ты злишься, когда оказывается, что они всё равно связаны.

— Я не злюсь.

Роман посмотрел на неё.

— Хорошо.

— Не говори «хорошо» таким тоном.

— Каким?

— Вот таким.

Он почти улыбнулся, но передумал.

— Если я попрошу тебя не ехать, ты останешься?

Сура не ожидала. Вопрос оказался настолько простым, что ответ должен был появиться сразу. Не появился.

Она представила экспедицию без себя. Чужие отчёты. Несколько месяцев ожидания. Возможно, год. Потом другая возможность. Или никакой.

Потом представила Дему завтра утром. Романа. Этот стол. Следующую неделю. Следующий месяц.

— Возможно, — сказала она.

Роман кивнул.

— А потом? Будешь вспоминать, что я попросил? Через год? Через пять?

— Не знаю.

Он поднялся. Сура ожидала продолжения. Его не было. Роман взял чашку, отнёс в раковину и включил воду.

— И всё?

— А что ты хочешь?

Он вымыл чашку, поставил сушиться.

— Я не буду просить тебя остаться.

Вот теперь она почувствовала злость.

— Почему?

Роман обернулся.

— Потому что, если я попрошу и ты останешься, мы оба будем знать, почему.

— Ты сам только что сказал, что семья должна влиять на решения.

— Влиять. Не принимать их вместо тебя.

Сура замерла. Роман выключил воду.

— Я не хочу однажды услышать, что твоя жизнь закончилась здесь, потому что я тебя удержал.

— Я такого не скажу.

— Сейчас — нет.

Он посмотрел на неё слишком долго. Сура первой отвела взгляд.

— Ты решил за меня, какой я стану через пять лет.

Она прошла мимо него к двери и остановилась. Роман несколько секунд молчал.

— Она будет ждать.

Не нужно было уточнять кто.

— Я знаю.

— Нет.

Сура повернулась.

Он стоял у стола, опираясь ладонью о спинку стула.

— Ты знаешь это как факт. Я говорю не об этом.

Она смотрела на него. Вот теперь хотелось спорить. Но спорить было не с чем.

Сура ушла.

Утром Дема ела кашу с таким выражением, будто семья лично нанесла ей оскорбление.

— Почему она с комками?

Роман даже не поднял головы.

— Потому что я чудовище.

— Мама делает без комков.

— Мама обладает запрещёнными технологиями.

Сура пила кофе и читала сообщение от лаборатории. Ночная температура стабилизировалась. Замер в двадцать два сорок показал отклонение. Она перечитала цифры дважды.

Именно этот замер она собиралась снять сама. Теперь придётся проверять настройки, условия, погрешность оператора. Техник сделал всё правильно. Скорее всего.

Скорее всего — отвратительная формулировка.

— Мам.

Сура подняла глаза.

— Что?

— Ты меня не слушаешь.

— Я слушаю.

— Что я сказала?

Сура помолчала. Дема торжествующе посмотрела на отца.

— Не втягивай меня, — сказал Роман.

— Ты спросила что-то про школу.

— Нет. У нас в пятницу будет показ.

— Какой?

— Я же рассказывала. Мы делали модель старого города.

Теперь Сура вспомнила. Картон, краска на столе, Дема два вечера подряд ругалась, потому что крыша не держалась.

— Ты придёшь?

Пятница. Через четыре дня. Экспедиция уходила через три. Сура медленно поставила чашку.

— Меня, скорее всего, не будет. Я уеду раньше.

— Ты говорила «возможно».

— Теперь почти точно.

— А когда вернёшься?

— Не знаю.

Дема насупилась.

— Ты всё время теперь не знаешь.

Роман смотрел в тарелку. Сура почувствовала его молчание почти физически.

— Я не хочу обещать то, чего не знаю.

— Можно просто прийти.

— Я буду далеко.

— Тогда не езжай в четверг. Поезжай после пятницы.

Как просто. Сура почти улыбнулась.

— Группа не будет ждать из-за твоего показа. Потому что у них есть маршрут.

— Пусть поменяют.

Роман кашлянул в кулак. Сура посмотрела на него.

Дема переводила взгляд с одного на другого.

— Так ты не придёшь?

— Нет.

Ребёнок опустил глаза. Никакой истерики. Только снова начала есть кашу. Это оказалось хуже.

В лаборатории всё стало легче почти сразу.

Не лучше.

Легче.

Сура вошла, сняла куртку, проверила журнал и через несколько минут уже спорила с техником о ночном замере.

— Я сделал всё по протоколу.

— Я вижу.

— Тогда почему ты третий раз спрашиваешь?

— Потому что результат выбивается.

— Иногда результаты выбиваются.

— Спасибо. А то я не знала.

Он отодвинулся от стола.

— Проверь запись с камеры. И температурный лог.

— Уже.

Сура остановилась. Ничего. Он действительно всё сделал правильно. Значит, отклонение принадлежало образцу.

Интересно.

Вот это было понятно. Отклонение. Причина. Проверка. Новый вопрос. Никто не спрашивал, вернётся ли она. Никто не смотрел так, будто ответ может что-то сломать.

Сура провела следующие три часа почти без перерыва и вспомнила об экспедиции только тогда, когда на визоре появилось сообщение координатора.

Подтвердите участие до 14:00.

Она посмотрела на время. Тринадцать сорок восемь. Двенадцать минут. Смешно. Как будто решение занимало двенадцать минут.

Она открыла форму. Имя уже стояло. Квалификация. Допуск. Маршрут. Срок: ориентировочно от четырёх месяцев.

Слово «ориентировочно» можно было трактовать как угодно.

Сура перечитала условия. Потом ещё раз. Никакой новой информации.

Всё, что могло изменить решение, она уже знала.

Палец завис над подтверждением.

Перед глазами неожиданно появилась Дема за завтраком.

Тогда не езжай в четверг.

Сура закрыла глаза. Одно движение. Она нажала.

Участие подтверждено.

Стало тихо. Не вокруг. Внутри. Как после решённой задачи.

Координатор ответил почти сразу: **Принято. Сбор группы через два дня. Финальный инструктаж завтра в 18:00.**

Сура убрала визор.

— Ну? — спросил техник.

Она посмотрела на него.

— Что?

— Ты едешь?

— Да.

— Роман нормально отнёсся?

Сура повернулась к боксу.

— Он справится.

Техник помолчал. Она включила анализатор. Разговор закончился сам.

Собирать вещи оказалось проще, чем говорить о них.

Одежда. Аптечка. Рабочие записи. Два запасных накопителя. Фильтры. Перчатки. Минимум личного.

Сура раскладывала всё на кровати и вычёркивала пункты из списка.

Дема появилась в дверях примерно на половине.

Сначала просто стояла.

— Можно? Зайти.

— Ты уже зашла.

Дема вошла полностью и села на край кровати, там, где ещё оставалось свободное место.

— Это всё с тобой?

— Не всё.

— А сколько?

— Достаточно.

Дема взяла маленький фонарь.

— Этот тоже?

— Положи.

Она положила. Через несколько секунд взяла металлический контейнер.

— А это?

— Дема.

— Я просто смотрю.

Сура забрала контейнер и вернула на место.

— Смотри глазами.

— Скучно.

Дема помолчала.

— Там опасно?

Сура продолжила складывать вещи.

— Везде бывает опасно.

— Папа сказал, что далеко от городов хуже. Тогда зачем ехать?

— Потому что мне нужно кое-что найти.

— Что?

Сура остановилась. Хороший вопрос.

Она могла перечислить исследовательские точки, архивы, старые образцы, данные. Но это были части.

— Не знаю пока.

Дема нахмурилась.

— Ты едешь искать то, что не знаешь?

— Иногда сначала знаешь вопрос.

Дема подумала.

— А если ответа нет?

— Тогда хотя бы узнаешь, что его нет.

— Глупо.

Сура усмехнулась. Дема опустила взгляд на вещи.

— Папа злится?

— Спроси у папы.

— Я спрашивала. Он сказал, что это между вами.

— Значит, правильно сказал.

— Вы развелись?

Сура чуть не уронила упаковку фильтров.

— Что?

— У Киры родители развелись. Папа уехал.

— Мы не развелись.

— Но ты уезжаешь.

— Это не одно и то же.

— А похоже.

Сура положила фильтры в рюкзак. Дема замолчала. Через несколько минут Сура поняла, что ребёнок всё ещё сидит на кровати.

— Ты что-то хочешь.

— Нет.

Та подняла глаза.

— Ты вернёшься?

Снова. Сура выдохнула.

— Мы уже говорили.

— Ты сказала «когда смогу». Это значит да или нет?

Сура посмотрела на неё. Вот сейчас можно было сказать.

Да.

И всё.

Дема ждала. Сура знала этот взгляд. Не конкретно её. Сам принцип.

Ожидание ответа, который сделает мир немного устойчивее.

Она слишком хорошо помнила, как легко взрослые выдавали такие ответы детям, потому что самим было неприятно видеть страх.

— Это значит, что я не знаю, — сказала она.

Дема опустила глаза.

— Понятно.

Нет. Не понятно. Но спрашивать больше она не стала.

Сура вернулась к вещам.

Через минуту рядом с рюкзаком появился маленький сложенный лист бумаги.

— Это что?

— Потом посмотришь. Когда уедешь.

Сура взяла бумагу.

— Почему не сейчас?

— Потому что я так хочу.

Сура собиралась сказать, что это бессмысленно. Не сказала. Она положила лист между блокнотом и упаковкой с документами. Дема проследила, куда именно. Потом встала. У двери остановилась.

— Мам. Не потеряй.

Сура посмотрела на рюкзак.

— Не потеряю.

На этот раз обещание было простым.

Утро отъезда оказалось слишком обычным.

Сура почему-то ожидала, что почувствует разницу сразу после пробуждения. Не почувствовала. Вода из крана шла с обычной задержкой. Роман заварил кофе. Дема слишком долго искала второй носок и обвинила в пропаже стиральную машину.

Только рюкзак у двери менял всё.

Машина экспедиции должна была забрать Суру через двадцать минут.

Роман проверил крепление на боковом кармане.

— Тут разойдётся.

— Не разойдётся.

— Уже расходится.

— Я вчера проверяла.

— Значит, плохо проверяла.

Он ушёл за инструментом. Сура смотрела ему вслед. Вот так они и разговаривали с утра.

Ремень. Аптечка. Связь. Документы. Ни одного слова о том, что происходит. Вернувшись, Роман молча подтянул крепление.

— Всё.

— Спасибо.

— Канал связи у тебя записан? Дублирующий? Деньги?

— Роман. Всё есть.

Он кивнул.

Дема сидела на диване, обняв колени. Слишком тихая. Сура подошла.

— Ты сегодня в школу? Тогда почему не собираешься?

— Рано ещё.

— Через десять минут будет поздно.

Сура хотела сказать что-нибудь нормальное. Ничего не придумала. Вместо этого поправила ей волосы. Дема тут же прижалась лбом к животу. Сура замерла. Руки сами легли ей на плечи. Несколько секунд никто не двигался. Потом Дема сказала куда-то в ткань куртки:

— Я всё равно злюсь.

— Имеешь право.

Дема сжала её сильнее. Сура закрыла глаза. Вот оно. То самое. Можно было остаться. Не навсегда. Отложить экспедицию. Дождаться следующей группы. Найти другую возможность.

Это был реальный вариант. Не фантазия.

От этого стало хуже.

Снаружи коротко просигналила машина. Дема не отпустила.

— Мне пора.

— Нет.

Сура погладила её по голове. Сура почти рассмеялась. Не получилось. Роман подошёл ближе.

— Дема. Дай маме собраться.

— Она уже собралась.

Справедливо. Сура осторожно разжала её руки. Дема отвернулась почти сразу. Это тоже было знакомо. Спрятать лицо раньше, чем кто-нибудь увидит. Сура заметила сходство и не успела решить, нравится ей оно или нет.

Роман взял рюкзак.

— Я сама.

— Знаю.

Но донёс до двери. На лестничной площадке они остались вдвоём. Дема внутрь не вышла. Сура посмотрела на открытую дверь.

— Она не придёт?

— Думаю, нет.

— Упрямая.

— Есть в кого.

Сура перевела взгляд на него. Роман стоял совсем близко. Несколько секунд оба опять молчали. Потом он протянул рюкзак.

— Береги себя.

— И ты.

Слишком мало. Но подходящих слов не было. Роман неожиданно обнял её. Сура ответила сразу.

Вот здесь тело оказалось честнее головы.

Она прижалась сильнее, чем собиралась, почувствовала его ладонь между лопаток, знакомый запах одежды и на секунду совершенно ясно поняла, что может сейчас развернуться.

Просто зайти обратно. Машина уедет. Координатор будет в ярости. Кто-нибудь займёт её место. Мир не закончится. Роман первым не отпускал. Сура разжала руки сама. Он посмотрел на неё. Ничего не сказал. И за это она одновременно была ему благодарна и злилась.

Сура взяла рюкзак и пошла вниз.

Тарба уходила назад медленно.

Первые двадцать минут машина двигалась по внутренним секторам, останавливалась на проверках и собирала ещё двух участников группы. Сура сидела у окна, держа рюкзак между ног, и пыталась читать маршрут.

Не получалось.

На третьей странице она поняла, что уже дважды перечитала одну и ту же строку. Отложила планшет. За окном прошла знакомая улица. Потом лабораторный корпус. Потом здания стали ниже, промежутки между ними шире. Впереди появилась внешняя линия контроля.

Сура вдруг подумала, что Дема сейчас, скорее всего, уже идёт в школу. Наверное, всё ещё злится. Роман, скорее всего, убрал чашки. В лаборатории техник проверяет серию. Странно.

Всё продолжалось.

Машина прошла последний пост. Один из мужчин впереди что-то сказал водителю. Оба засмеялись. Сура почти не слышала. Тарба оставалась позади. Она не обернулась сразу.

Сначала открыла маршрут. Проверила первую остановку. Время прибытия. Запасы. Зону ночёвки.

Потом всё-таки посмотрела назад. Город уже был далеко. За защитной линией трудно было различить отдельные здания. Просто знакомый силуэт на фоне серого неба.

В груди было неприятно тесно.

Не свобода. Не облегчение.

Она почему-то ожидала хотя бы одного из них.

Вместо этого были вина, страх и желание сказать водителю, чтобы остановил машину хотя бы на минуту.

Сура отвернулась. Достала планшет. На первой странице маршрута стоял Ксилон. Промежуточная остановка. Два дня. Пополнить воду и запасы, проверить транспорт, дожидаться второй машины и идти дальше. Просто точка на дороге.

Сура увеличила карту и начала читать сведения о городе.

Через несколько минут стало легче.

Глава II

Два дня

Ксилон было видно задолго до въезда в город.

Не потому, что он был особенно большим. Просто за несколько километров до первых домов дорога стала заметно хуже, а воздух — пыльным. Машина тряслась на выбоинах, водитель ругался на местных строителей, которых, судя по состоянию покрытия, следовало ругать уже несколько поколений подряд. Сура сначала пыталась читать материалы по маршруту дальше на юг, потом дважды попала пальцем не в ту строку и убрала планшет.

— Если мы здесь потеряем колесо, предлагаю считать это частью культурной программы. На предыдущей дороге хотя бы было понятно, что её никто не ремонтировал. Здесь кто-то явно старался.

Водитель посмотрел на неё в зеркало.

— Можешь пересесть за руль.

— Тогда мне придётся отвечать за результат. Я не настолько самоуверенна.

Он усмехнулся.

Первые дома стояли настолько близко друг к другу, будто владельцы в какой-то момент решили, что улицы — неоправданная роскошь. Старый кирпич соседствовал с пристройками из металла, дерева и листового пластика. Между двумя зданиями кто-то умудрился втиснуть мастерскую; над дверью висела снятая с неизвестной техники шестерня, рядом сушилось бельё.

Жарко было даже в машине.

— Послезавтра утром выходим, — напомнил координатор. — Сегодня разгружаемся, завтра добираем запасы и проверяем машины.

Сура кивнула. Ксилон был промежуточной точкой. Никаких архивов, старых объектов или исследований здесь не планировалось.

Два дня.

Потом дальше на юг.

Экспедиция разошлась по делам ещё до того, как успели разгрузить половину вещей. Водитель с механиком полезли под вторую машину, координатор отправился оформлять разрешения на проезд через южный сектор. Суре достались медикаменты, расходные материалы и несколько реактивов, которые в Тарбе заканчивались быстрее, чем их успевали заказывать.

После нескольких дней дороги любое занятие, не связанное с тряской в машине, казалось хорошим.

Ксилон вблизи оказался ещё теснее. В некоторых местах между домами едва расходились две повозки. Тень попадалась редко, зато люди занимали каждый её кусок: возле стен сидели продавцы, кто-то ремонтировал обувь, двое мужчин разбирали старый двигатель прямо под навесом между балконами. Пахло горячим металлом, едой, пылью и водой.

Последнее сначала показалось странным.

Потом Сура увидела очередь.

Перед большой металлической цистерной стояло человек сорок. У большинства канистры, вёдра, бутылки. Несколько детей держали небольшие ёмкости, которые в их руках выглядели тяжёлыми.

— Я вчера получила меньше нормы!

— Вчера полсектора получило меньше нормы.

— У меня трое детей!

— А у меня, по-твоему, собаки дома?

— Следующий!

Последнее принадлежало мужчине возле цистерны.

Рабочая рубашка с закатанными рукавами, тёмные брюки, ботинки в пыли почти до щиколоток. На руках следы масла или технической грязи. Перед ним лежала тетрадь, рядом стояли мерные ёмкости. По виду он занимался этим уже несколько часов и ненавидел происходящее ровно настолько, чтобы продолжать.

Женщина перед ним не уходила.

— Мне не хватит до завтра.

— Всем не хватит, если каждому дать столько, сколько он хочет.

— Ты сам пьёшь сколько хочешь!

Мужчина поднял кружку со стола.

— Половина воды, половина пыли. Если хочешь, поделюсь.

Кто-то в очереди засмеялся.

— Локи, дай ещё.

— Тогда человек за тобой получит меньше.

— Это не моя проблема.

Он посмотрел на неё.

— Поэтому воду распределяю я.

Женщина забрала канистры и ушла.

Сура задержалась.

Склад находился через квартал. Можно было идти дальше, но возле стены она заметила старый технический люк, потом уклон улицы и трубы, уходившие под землю.

Она подошла ближе.

Локи заносил следующую фамилию в тетрадь.

— Если вы пришли жаловаться, очередь начинается вон там.

— Я пока пытаюсь понять, почему вы возите воду цистернами, если в шести километрах к северу есть резервуар.

Локи поднял глаза.

— Вы сегодня приехали?

— Около двух часов назад. Видимо, ещё не успела привыкнуть к местным архитектурным решениям.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вон там дорога на север. Берёте трубу и проводите.

Сура чуть наклонила голову.

— Вы всегда такой приятный или только с гостями?

В очереди снова засмеялись.

Локи бросил туда короткий взгляд, и люди неожиданно вспомнили, кто решает, сколько воды им сегодня выдадут.

— Северная линия не работает.

— Что именно не работает? Трубы, насосы, давление? Потому что «линия не работает» — это результат, а не причина.

Он положил карандаш.

— Трубы старые. Часть сгнила, часть разорвало зимой, часть разобрали. Давления не хватает. Насосы через один живые.

— А тот, который тянет север?

— Сдох.

Сура улыбнулась.

— Вот теперь разговор становится полезным.

Локи снова взял карандаш, но она заметила край карты под тетрадь.

— А старая техническая сеть под центром сохранилась?

Он поднял голову заметно медленнее.

— Частично.

— Насколько?

— Никто не знает.

— Почему не проверили?

Локи посмотрел на неё так, будто она предложила перестроить город до ужина.

— Потому что у нас нет свободных людей, оборудования и привычки раскапывать половину Ксилона ради идеи человека, который приехал два часа назад.

— Половину пока не предлагаю. Сначала хотелось бы увидеть, что именно осталось.

Она посмотрела на карту.

Локи положил на неё ладонь.

— Нет.

— Я ещё ничего не попросила.

— Уже попросили.

Сура рассмеялась.

— Ладно. Сначала заберу реактивы, потом вернусь и попробую сформулировать просьбу так, чтобы она вас меньше раздражала.

— Не получится.

— Тогда хотя бы будет чем заняться вечером.

Она ушла.

Реактивы нашлись не все. Зато торговец трижды попытался продать ей одно и то же вещество под разными названиями.

— Медицинский спирт.

Сура повертела бутылку перед светом.

— Этанол.

— Очищенный медицинский спирт.

— Всё ещё этанол. Я пытаюсь понять, за какое из этих слов вы хотите взять с меня на треть больше.

Торговец забрал бутылку.

— За качество.

— Если оно ещё немного повысится, на дне появится осадок.

После короткого спора цену удалось сбить. Сура вышла со склада в хорошем настроении. Не из-за денег. Последние годы она слишком часто решала, стоит ли вообще начинать спор. Дома любое задержавшееся раздражение тянулось дальше — в ужин, в разговор, в следующее утро. Здесь можно было два часа препираться с торговцем и больше никогда его не увидеть.

Никто не ждал объяснений.

Мысль понравилась.

К стоянке она вернулась ближе к вечеру. Вторая машина стояла на домкрате. Механик лежал под ней и ругался настолько размеренно, будто это помогало ремонту.

Сура положила коробку с реактивами к остальным грузам.

— Завтра доберём недостающее, — сказал координатор. — Выезд по плану.

— Северная часть города далеко отсюда?

Он посмотрел на неё.

— Нам на юг.

— Я помню маршрут. Меня интересует город.

— Зачем?

Сура улыбнулась.

Координатор несколько секунд изучал её лицо.

— Не надо.

— Я ещё ничего не сделала.

— Вот поэтому и говорю заранее.

Она рассмеялась и пошла за водой. Вечером Сура попыталась вернуться к материалам экспедиции.

На экране была старая схема южного маршрута, но мысли постоянно возвращались к карте Локи. Северный резервуар. Остатки технической сети. Уклон центра. Мёртвый насос. Она закрыла маршрут и открыла общую карту Ксилона. Данных не хватало. Через несколько минут стало понятно, что без старой схемы расчёты бессмысленны.

Сура встала.

Механик группы поднял голову от инструмента.

— Куда собралась?

— Хочу посмотреть одну вещь в городе. Если через час меня не будет, можешь начать подозревать местных в убийстве назойливых приезжих.

— Возьми оружие.

— Вот поэтому с механиками иногда приятно разговаривать. Никаких лишних вопросов.

Оружие она всё-таки взяла.

Локи нашёлся не возле цистерны.

Цистерна вообще уже была закрыта. Возле неё осталось несколько пустых ёмкостей и две женщины, которые обсуждали кого-то третьего с таким удовольствием, будто нехватка воды была временной неприятностью, а чужая личная жизнь — настоящей проблемой.

— Локи где? — спросила Сура.

Одна женщина посмотрела на неё.

— В мастерской. За углом, потом налево. Там услышишь.

Сура действительно услышала. Металл ударил о металл.

— Да чтоб ты сдох.

Через секунду:

— Второй раз.

Она заглянула внутрь.

Локи стоял над разобранным насосом. Рубашка лежала на ящике, майка промокла от пота. Под ногами валялись инструменты и детали.

— Судя по сегодняшнему разговору, он уже выполнил желание.

Локи повернул голову.

— Вы ещё здесь?

— Ещё примерно полтора дня. Постарайтесь выдержать.

Он вернулся к насосу. Сура подошла ближе.

— Это северный?

— Один из.

— Значит, восстанавливаете.

— Пытаюсь.

Она присела возле корпуса.

— Что умерло?

— Вал. Подшипники. Половина внутренностей выглядит так, будто туда годами сыпали песок.

Сура потянулась к детали.

Локи стукнул ключом по корпусу рядом с её пальцами.

— Не трогайте.

— Я просто посмотрю.

— Глазами.

Сура убрала руку и засмеялась.

— Вы удивительно быстро перенимаете хорошие формулировки.

— Я быстро учусь, когда рядом человек, которому хочется оторвать пальцы.

Он показал ей внутреннюю часть насоса.

— Даже если это заведётся, проблему не решит. До центра воду дотянем. Дальше давление падает. Восток выше, юг далеко, старые трубы узкие.

— Значит, нужна промежуточная подача.

— Значит, нужен ещё один насос.

— Есть?

— Нет.

Сура посмотрела на разобранную технику вокруг.

— Совсем?

Локи медленно повернулся.

— Вы сейчас пытаетесь выяснить, какое именно «нет» я использую?

— После сегодняшнего «насос умер», которое превратилось в «я его ремонтирую», приходится уточнять.

Он хмыкнул.

— Один старый есть на южной станции. Почти мёртвый.

— Уже лучше.

— Для кого?

— Для нас.

— Никаких «нас» здесь нет.

— Хорошо. Для меня лучше. Вам продолжает не везти.

Локи снова занялся креплением.

— Допустим, поднимем оба. Воду куда?

— В старую сеть.

— Вы её даже не видели.

— Поэтому мне нужна карта.

— Нет.

— Я могу вернуть.

— Вы ещё не взяли.

— Именно поэтому обещание особенно надёжное.

Локи поднял на неё взгляд. Сура улыбалась. Он покачал головой.

— Вы учёная? Чем занимаетесь?

— Биология, адаптация организмов, старые исследования. Сейчас ищем материалы, которые могут оказаться значительно важнее того, что осталось в архивах Тарбы.

— Для человечества?

В голосе появилось что-то подозрительное.

— Возможно.

Локи затянул крепление.

— Сначала человечеству неплохо бы научиться пить воду.

Сура прищурилась.

— Одно другому не мешает.

— Мешает, когда на всё одни и те же руки. — Он вытер ладони о брюки. — Я двадцать лет слушаю про вещи, которые однажды спасут всех. Новые лекарства. Новые технологии. Новые города. А потом утром открывается кран, и из него ничего не течёт.

— Поэтому ничего дальше ближайшего крана делать не нужно?

— Нужно. После того как из него потечёт.

Сура посмотрела на насос.

— Очень романтичный взгляд на будущее.

— Будущее хорошо выглядит на сытый желудок.

Она рассмеялась.

— Кажется, я начинаю понимать вашу философию.

— У меня нет философии. У меня есть насос.

По выражению лица было понятно, что терпение снова заканчивается. Сура встала.

— Ладно. Сегодня оставлю вас в покое. Завтра посмотрю карту.

— Не смотрите.

Она дошла до выхода.

— У вас два дня, — напомнил Локи.

Сура обернулась.

— Полтора. Не жульничайте.

Ночью не спалось.

Сура лежала на узкой кровати в комнате, выделенной экспедиции, и смотрела в потолок. Рядом кто-то тихо храпел, за окном изредка проходили люди. Жара почти не ушла.

Роман сейчас, вероятно, спал. Дема тоже. Мысль пришла спокойно. Следом не появилось привычного списка: когда нужно вернуться, что обещано на завтра, во сколько вставать, кого забрать, что не забыть.

Никто здесь её не ждал. Сначала это кольнуло. Потом стало легче.

Сура села и включила планшет.

Северный резервуар находился достаточно высоко. Если старая техническая ветка сохранилась хотя бы частично, её можно было использовать как основу распределения. Один насос на входе, второй ближе к центру. Потери давления всё равно будут большими, но уже не бессмысленными.

Не хватало диаметров труб и схемы ветвления. Они были на карте Локи. Сура посмотрела на время. Почти полночь. Несколько секунд она пыталась убедить себя, что утром можно просто попросить ещё раз. Потом вспомнила его лицо. Нет. Утром она получит ещё одно «нет» и потеряет несколько часов.

Сура оделась.

Помещение возле цистерны было закрыто. Сура обошла здание. Через окно внутри виднелись стол, тетради и та самая карта. Защёлка выглядела старой. Она постояла перед окном.

— Ладно, это уже немного похоже на кражу.

Никто не возразил. Под стеной нашлась тонкая металлическая пластина. Через пару минут защёлка поддавалась. Сура открыла окно и ещё раз посмотрела на карту. Утром вернёт. Никому она ночью не нужна.

Этого было достаточно.

Карту пришлось разложить почти на весь стол. Северный резервуар действительно соединялся со старой технической сетью через две промежуточные линии. Одна проходила вдоль давно перестроенного сектора, вторая уходила ближе к центру.

Сура сделала первые расчёты. Высоты сходились плохо. Она пересчитала. Стало хуже. Пришлось искать бумагу.

Через час на столе лежало семь исписанных листов. Один вариант отпал сразу. Вторым держался до тех пор, пока Сура не учла подъём восточного сектора. Третий выглядел лучше: использовать старую сеть не как полноценную магистраль, а как распределительную, поставить дополнительную подачу ближе к центру и отсечь несколько почти мёртвых веток.

Она проверила давление. Нахмурилась. Пересчитала. Первая схема не работала. Даже если карта не врала, потерь было слишком много.

— Да чтоб тебя.

Сура откинулась на спинку стула и несколько секунд смотрела на цифры. Потом рассмеялась. Не от усталости. Задача сопротивлялась. Давно ей не было настолько весело.

Никому не нужно было объяснять, почему она не спит. Никто не спрашивал, во сколько она закончит. Перед ней были трубы, высоты, давление и старый город, который совершенно не интересовался её семейным положением.

С законами физики хотя бы можно было спорить без последствий на следующее утро.

Сура взяла новый лист.

Когда за окном стало светло, вторая схема уже выглядела лучше. Не хорошо. Но её можно было проверить. Сура свернула карту, собрала расчёты и посмотрела на часы. Спала она примерно нисколько. Чувствовала себя отлично. Локи нашёлся там же, где вчера. Возле цистерны уже собиралась очередь. Сура подошла и положила перед ним карту.

Он замолчал. Сначала посмотрел на неё. Потом на карту.

— Доброе утро, — сказала Сура. — Я выяснила две вещи. Во-первых, ваша схема высот составлена отвратительно. Во-вторых, первую версию придётся выбросить: давления действительно не хватает.

Локи медленно выпрямился.

— Вы совсем охренели?

Сура улыбнулась.

— Вот теперь можно обсуждать вторую.

Глава III

Давление

— Вы совсем охренели?

Локи произнёс это без повышения голоса, и оттого вопрос прозвучал убедительнее. Он стоял за столом, положив обе ладони на развёрнутую карту, и рассматривал появившиеся за ночь пометки так, словно пытался определить, какая из них оскорбляет его сильнее всего.

Сура поставила рядом свои листы.

— Если речь о способе проникновения, то окно действительно было не лучшим решением. Но карта вернулась раньше начала выдачи, ничего на ней не испорчено, а я выяснила, что первая схема не работает. Так что предлагаю считать ночное вторжение сомнительным методом получения полезного результата.

Локи перевёл взгляд с неё на окно помещения. Зашёлку Сура вчера поставила на место, хотя теперь было заметно, что та держится исключительно из уважения к прошлому.

— Вы украли мою карту.

— Я вернула её через несколько часов. Кража с таким уровнем сервиса встречается нечасто.

В очереди кто-то засмеялся. Локи посмотрел в ту сторону, и смех быстро закончился.

Сура, наоборот, улыбнулась шире.

— Хорошо, признаю: формально разрешения не было. Теперь можете либо продолжать ругаться, либо посмотреть сюда. Второй вариант полезнее, хотя эмоционально наверняка менее приятный.

Она развернула один из листов.

Локи не торопился. Несколько секунд ещё смотрел на неё, потом всё-таки наклонился над расчётами. Этого Сура и добивалась.

— Давления не хватает уже здесь, — сказала она, проводя пальцем по линии от северного резервуара. — Если карта точная, старая ветка теряет почти треть до центра. Но вот этот участок можно использовать как распределительный, а подачу поднять ближе к восточному сектору. Нужен второй насос и реальные данные по трубам. На схеме они подозрительно одинаковые.

Локи хмыкнул.

— Потому что схема старая. Вот здесь трубу меняли после зимы, поставили что нашли. Она уже примерно на треть.

Сура остановила карандаш.

— И никто не решил исправить карту?

— Человек, который менял, умер. Второй сейчас мясом торгует на другом конце города. Можете сходить спросить, помнит ли он диаметр трубы, которую закопал десять лет назад.

Она исправила цифру.

— Что ещё здесь существует только на бумаге?

Ответ занял несколько минут и испортил почти половину ночной работы. Одну ветку после обвала заглушили, другую перенесли вдоль старого склада, третья по-прежнему числилась действующей только потому, что никто не нашёл времени официально признать её смерть. Насосная на севере выглядела на карте полноценным узлом. В действительности два агрегата работали, один Локи разбирал вчера вечером, а четвёртый он определил как «есть, но лучше не рассчитывать».

Сура слушала, зачеркивала, переписывала и постепенно начинала понимать, почему город до сих пор возил воду цистернами.

Не потому, что никто не догадался посмотреть на север.

Просто между красивой линией на карте и водой в кране лежало лет двадцать ремонтов из того, что удалось найти.

— Мне нужно увидеть сеть самой, — сказала она, когда от первой схемы осталось несколько стрелок и много перечёркнутых цифр.

Локи взял тетрадь с нормами выдачи.

— Сначала людям воду раздам.

— Тогда после.

Он посмотрел на неё.

— Вы когда спали?

— Пока без необходимости.

— Видно.

— Спасибо. У вас тоже очень бодрый вид.

Локи ничего не ответил. Только позвал следующего человека.

Сура забрала листы и отошла, но уходить не стала.

К старому коллектору они добрались уже ближе к полудню.

К тому времени жара успела превратить металл на люках в неплохое средство пыток. Сура опустилась на корточки возле одного из них, коснулась крышки и тут же убрала руку.

— Теперь понимаю, почему у вас всё ремонтируют ночью.

— Ночью спят.

— Кто?

Локи открыл люк инструментом и посмотрел вниз.

— Нормальные люди.

— А. Тогда вопрос снят.

Проход начинался почти сразу под улицей. Бетонные стены, старая труба, кабели, несколько участков, где всё держалось на сварке, проволоке и чужой уверенности, что ещё год простоит. Сура посветила вниз и поставила ногу на первую скобу.

Локи поймал её за куртку.

— Я первый.

— У вас есть принципиальные возражения против женщин в технических тоннелях или вы просто решили воспользоваться должностным положением?

— У меня возражения против людей, которые сначала лезут, потом смотрят.

Он спустился, проверил нижнюю скобу и только после этого отступил в сторону.

Сура последовала за ним.

Через несколько метров стало понятно, что карта не просто устарела — город давно жил собственной жизнью. Труба, которая должна была идти прямо, обходила старый фундамент; один узел оказался заменён конструкцией из деталей от трёх разных систем. Возле просевшего участка бетонного пола Локи остановил Суру рукой раньше, чем она успела наступить.

— Дальше не надо.

Она направила фонарь вниз. Под обвалившейся плитой темнела пустота.

— Насколько глубоко?

— Хотите проверить?

— Не настолько.

Она присела возле трубы, уходившей вслед за просевшим грунтом. Теперь падение давления переставало быть загадкой.

Локи терпеливо показывал, что в городе можно было восстановить, что проще обойти новой наружной линией, а куда вообще не стоило лезть, если они не собираются разбирать дом сверху. Поначалу Сура спорила почти с каждым вторым утверждением. Потом перестала, потому что выяснилось: там, где она видела соединение двух точек, Локи видел стену, фундамент, два метра старого бетона и хозяина пекарни, который скорее согласится снести соседний квартал, чем пропустить трубу через свой двор.

Это раздражало и одновременно делало задачу интереснее.

На обратном пути Сура остановилась возле боковой ветки.

— Если вынести этот участок наружу, можно обойти обвал. Потери будут больше, но не настолько, как сейчас.

Локи посмотрел туда, куда она указывала.

— Можно.

Сура повернула голову.

— Вы согласились с первого раза. Мне стоит беспокоиться?

— Пока нет. Через стену дальше пекарня.

— Вы опять про хозяина?

— Я предупредил.

Сура рассмеялась.

— Отлично. Сначала гидравлика, потом дипломатия. Наконец-то экспедиция стала разнообразной.

К вечеру они собрали временный участок.

Не систему. Даже не её приличную имитацию. Несколько восстановленных соединений, насос, который Локи заставил работать после двух часов ругани, и часть старой ветки до центра.

Сура проверила расчёт ещё раз. При реальном диаметре труб показатели выглядели хуже ночных, но до второй контрольной точки вода должна была дойти.

Локи считал иначе.

Он ничего не доказывал. Просто занимался насосом с выражением человека, который заранее знает, что через двадцать минут придётся чинить то же самое.

— Если дойдёт до второй точки, вечером отдаёте мне карту, — сказала Сура.

— Она вам уже принесла достаточно счастья.

— Тогда не бойтесь спорить.

Локи затянул крепление и вытер руки.

— Если не дойдёт, больше ничего моего без спроса не берёте.

Сура задумалась.

— «Ничего» — слишком широкая формулировка. Например, если вы оставите карандаш на столе...

— Карандаш тоже.

— У вас тяжёлый характер.

— Не спорьте.

Она протянула руку.

— Договорились. Но предупреждаю: проигрывать я не люблю.

— Уже заметил.

Запускали медленно.

Сначала внутри трубы пошёл воздух, потом вода. Сура следила за показателями, одновременно слушая, как меняется звук насоса. На первой точке поток появился быстро. Давление упало, но оставалось в пределах расчёта.

Она улыбнулась.

Локи ничего не сказал.

Через минуту стрелка поползла ниже.

Сура нахмурилась.

Поток на первой точке ослаб. До второй вода так и не дошла.

Она проверила вентиль, потом показания, затем ещё раз прошла глазами расчёт. Ошибки не было. Значит, реальная сеть теряла больше, чем должна.

Локи сел на старый ящик и открыл флягу.

Сура посмотрела на него.

— Даже не начинайте.

— Я молчу.

— Именно поэтому особенно раздражаете.

Он сделал глоток.

Сура вернулась к трубе. Следующие минут двадцать получили много новой информации о человеке, который когда-то решил заменить часть линии меньшим диаметром, о состоянии городского хозяйства, старых картах и некоторых физических законах, которые, по мнению Суры, вполне могли бы проявлять больше гибкости.

Локи не мешал.

Только ближе к концу протянул ей флягу.

— Воды?

Сура посмотрела сначала на него, потом на недействующую линию.

— Если это попытка пошутить, она довольно хорошая.

— Пить будете?

Она взяла флягу.

— Буду. Но карта всё равно временно остаётся предметом переговоров.

— Вы проиграли.

— Я получила новые данные.

— Так у вас называется проигрыш?

— Когда-нибудь вы оцените научный метод.

Он усмехнулся.

На стоянку Сура вернулась грязная, голодная и с новой схемой в голове.

Координатор ждал возле машин. Вторая уже была готова к дороге, грузы распределили, часть запасов упаковала заново. Вид всего этого неприятно напомнил, зачем они вообще приехали.

— Завтра выходим в семь, — сказал он.

Сура сняла куртку и положила на ящик.

— Мне нужен ещё день. Мы нашли основные потери, и если вскроем ветку между центром и восточным сектором, будет понятно, что делать дальше.

— Нам уже понятно, что делать дальше. Ехать.

Она подняла глаза.

— Один день ничего не меняет в маршруте.

— Один уже изменил.

Сура хотела возразить, но не стала. Формально он был прав.

Группа прибыла в Ксилон на два дня. Они пополнили запасы, проверили машины, получили разрешения и могли выезжать. Водопровод не входил ни в одну задачу.

От этого он не становился менее сломанным.

— Завтра к вечеру, — сказала она. — Если второй вариант не даст результата, я перестану задерживать группу.

Координатор посмотрел на неё так, будто заранее искал подвох в формулировке.

— Именно результата?

Сура чуть помедлила.

— Достаточного результата, чтобы было разумно продолжать.

— Вот поэтому с учёными невозможно договариваться.

— Зато потом никто не может сказать, что его обманули мелким шрифтом.

Он выдохнул, перевёл взгляд на уже собранные машины и всё-таки кивнул.

— До завтра. Вечером принимаем решение и больше не переносим.

Этого ей хватило.

Сура ушла спать впервые почти довольная собой и проспала чуть больше четырёх часов. Второй вариант оказался лучше.

Это стало понятно после того, как половина следующего утра ушла на поиски участка, которого на карте не существовало там, где он находился в действительности. По старой схеме труба должна была проходить между двумя домами. На месте между ними обнаружилась мастерская, построенная лет двенадцать назад, а под её полом — именно та линия, которую они искали.

Хозяин сначала отказался впускать кого-либо внутрь. Потом увидел Локи, Суру и ещё пятерых человек с инструментами и решил, что сопротивление, вероятно, займёт больше времени.

Под полом труба действительно текла.

К полудню Сура перестала удивляться тому, насколько мало город был похож на собственную документацию. Один мужчина помнил, где после обвала перенесли ветку. Женщина из соседнего дома знала, какой люк каждую весну заполняло водой. Старый слесарь пришёл посмотреть на раскопанный участок и сообщил, что здесь вообще не должно быть трубы, потому что он лично переносил её на пять метров западнее.

Пришлось копать снова.

Труба нашлась именно там.

Сура некоторое время смотрела на неё, потом на карту.

— Я начинаю воспринимать эту бумагу как художественное произведение.

Локи протянул ей руку, помогая выбраться из ямы.

— Зато красиво.

— Красиво было ночью, пока я ей верила.

— Теперь взрослеете.

Она отряхнула ладони и посмотрела на него.

— Не торопитесь. Это пока только кризис доверия к картографии.

Людей вокруг постепенно становилось больше. Сначала помогали те, кого позвал Локи. Потом начали приходить сами. Кто-то принёс старые крепления, кто-то металл, кто-то еду. Подросток лет шестнадцати появился с катушкой кабеля и заявил, что нашёл её честно. Локи посмотрел на него достаточно выразительно, чтобы дальнейшие уточнения потеряли смысл.

Сура работала вместе со всеми.

Она не умела сваривать так хорошо, как местные, и после первой попытки Локи без комментариев забрал у неё инструмент, пока не пострадало что-нибудь дорогое. Зато она быстро пересчитывала изменения, находила обходные варианты и уже к середине дня знала, у кого спрашивать про старые ветки, у кого про склад деталей, а кого лучше вообще не трогать до обеда.

К вечеру линия дошла до третьей контрольной точки.

Первые минуты выглядели многообещающе. Вода появилась там, куда вчера не доходила вовсе, сначала мутная, потом чище. Кто-то возле выхода трубы засмеялся, женщина рядом подставила под поток ладони.

Сура почувствовала, как напряжение последних суток наконец начинает отпускать.

Потом поток ослаб.

Не сразу. Сначала почти незаметно.

Она увидела это раньше стрелки.

Через пару минут вода исчезла совсем.

Никто не ругался. Люди просто постояли возле трубы и начали расходиться, забирая пустые канистры.

Это оказалось неприятнее вчерашнего провала.

Сура подошла к Локи.

— Где?

Он уже смотрел на показатели.

— Между второй и третьей точкой. Или засор, или хороший разрыв.

— Доступ есть?

— Один старый коллектор. Но туда сегодня уже поздно.

Сура взяла фонарь.

Локи посмотрел на неё.

— У вас завтра дорога.

Она не успела ответить. Координатор стоял у входа в мастерскую. По лицу было понятно, что ещё одного дня он давать не собирался.

— Мы остаёмся ещё на неделю.

После третьего повторения фразы о выезде Сура решила, что пора перестать торговаться сутками. Координатор даже не разозлился.

— Нет.

— За неделю можно восстановить основную ветку и передать остальное местным. Мы уже нашли большую часть слабых мест, подняли один насос и знаем, где искать второй. Сейчас уехать — значит оставить половину работы в состоянии, которое развалится через месяц.

— Сура, мы не ремонтная бригада.

— Я заметила. Ремонтная бригада спорила бы меньше.

Кто-то рядом улыбнулся, но координатор остался серьёзен.

— У экспедиции есть цель. Ради неё люди вышли из Тарбы.

Вот это было хуже. Сура знала.

Именно ради этой цели она оставила дом. Именно ради неё ехала на юг и собиралась продолжать, пока не найдёт то, что искала. Ещё несколько дней назад предложение задержаться в чужом городе на неделю показалось бы ей бессмысленным.

Она посмотрела на пустую трубу.

На канистры возле стены.

На людей, которые уже успели поверить, что вода отсюда всё-таки пойдёт.

— Мы идём искать то, что, возможно, когда-нибудь поможет людям жить лучше, — сказала Сура. — Здесь нам не нужно гадать. Мы уже знаем, что можем сделать. Если сейчас уехать только потому, что Ксилона не было в маршруте, я не очень понимаю, ради какого человечества мы тогда вообще идём дальше.

Возразили сразу несколько человек. Про время. Про запасы. Про десятки других городов по дороге, где наверняка тоже чего-то не хватает.

Последний аргумент был самым сильным. Если останавливаться возле каждой проблемы, экспедиция действительно никуда не доберётся.

Но Ксилон уже перестал быть просто очередным городом по дороге.

Они вскрыли сеть, втянули людей в работу, показали, что вода с севера может дойти до центра. Теперь уйти было не тем же самым, что проехать мимо три дня назад.

Локи всё это время молчал.

Сура повернулась к нему.

— Сколько нужно?

Он пожал плечами.

— Если без сюрпризов — неделю.

Координатор посмотрел на него.

— А если они уедут?

— Будем делать сами.

Сура нахмурилась.

— Это сейчас должно было помочь?

— Вы спросили.

— У вас удивительный талант выбирать момент для честности.

Локи посмотрел на неё спокойно.

— Никто вас здесь не держит. Вы сами влезли.

Фраза попала неприятно точно.

Сура уже открыла рот, потом передумала.

Да.

Сама.

Никто не просил её брать карту. Никто не просил считать давление. Никто не заставлял лезть в коллекторы и обещать воду людям, которым она вообще-то ничего не была должна.

Можно было уехать.

Именно поэтому она не собиралась.

— Неделя, — сказала Сура, возвращаясь к координатору. — Потом вы имеете право посадить меня в машину насильно.

— Это звучит подозрительно конкретно.

— Я стараюсь учиться на ошибках формулировок.

Он посмотрел на неё, потом на Локи.

— Реально?

— Если она ещё ничего не взорвёт.

Сура резко повернулась.

— Почему сразу я?

Локи впервые за весь разговор улыбнулся.

Неделю им дали.

После этого работа перестала помещаться в отдельные часы.

Сура просыпалась с расчётами, днём лезла в трубы, вечером переписывала схему с учётом того, что город успел сообщить о себе за день. Локи почти всё время оказывался где-то рядом — то в насосной, то в тоннеле, то возле новой наружной ветки. Иногда за несколько часов они обменивались только тем, что действительно требовалось для работы.

Так оказалось проще.

Сура начала понимать его жесты. Если он проводил ладонью по подбородку перед запуском, значит, что-то не нравилось, даже если причину он пока не нашёл. Если молча протягивал руку — нужен был инструмент. Если отходил от агрегата и закуривал, ближайшие десять минут лучше было вообще ничего не спрашивать.

Он, в свою очередь, перестал относиться к её расчётам как к красивой разновидности бумаги. Однажды утром Сура обнаружила рядом с листами размеры старого участка и несколько коротких пометок по состоянию труб.

— Вы начинаете верить в науку? — спросила она.

— Нет. Просто надоело смотреть, как вы ошибаетесь на старых данных.

Этого ей почему-то хватило.

На третий день недели нашли второй насос.

Он стоял на южной станции под слоем пыли и выглядел настолько плохо, что Сура сначала решила, что Локи опять шутит.

— И это ваш запасной вариант?

— Лучший.

Она обошла агрегат.

— Теперь мне понятен ваш оптимизм. Всё, что ещё не рассыпалось при прикосновении, считается перспективным.

— Работает же.

— Мы ещё не включали.

— Поэтому пока идеально.

Сура рассмеялась.

Насос разбирали до вечера. Она почти не мешала: подавала инструменты, записывала параметры, несколько раз задавала вопросы и один раз всё-таки сунула руку туда, куда Локи просил не лезть.

Он молча отодвинул её запястье.

Сура посмотрела на него.

— Даже ругаться перестали. Я начинаю переживать.

— Устал.

— Это менее лестное объяснение.

Локи продолжил работу.

Она ещё некоторое время улыбалась.

Третья схема была готова на следующий день.

Два насоса, промежуточная подача, очищенный участок старой сети и новая наружная ветка там, где коллектор уже невозможно было восстановить. Сура проверила расчёты трижды. Локи прошёл всю линию своими глазами.

Явной причины для провала не осталось.

Именно это должно было насторожить.

Первый насос заработал нормально.

Потом второй.

Внутри труб поднялся глухой шум. Давление росло медленно, почти точно по расчёту. Вода прошла первую точку, вторую, затем появилась у центральной ветки.

Кто-то крикнул с улицы.

Сура посмотрела на стрелку.

Слишком хорошо.

Локи повернул голову к насосу раньше неё.

— Сбрасывай.

Она увидела скачок почти одновременно.

Показатель резко пошёл вверх.

Сура потянулась к вентилю.

Внутри корпуса что-то ударило.

— Выключай!

Она дёрнула рычаг.

Поздно.

Второй удар оказался громче. Соединение рвануло, прокладку выбило наружу, и вода ударила Суру прямо в грудь. Она отшатнулась, поскользнулась на мгновенно образовавшейся грязи и села на землю раньше, чем успела ухватиться за раму.

Насос затих.

Несколько секунд слышно было только воду.

Сура убрала волосы с лица.

Локи стоял возле агрегата и смотрел на сорванное соединение.

Потом на неё.

— Живая?

Она кивнула и снова посмотрела на корпус.

Посадочное место перекошило.

Вот оно.

Они усиливали линию, считали потери, меняли соединения, а старый корпус всё это время оставался слабее новой системы.

Сура начала смеяться.

Сначала тихо.

Потом сильнее.

Локи нахмурился.

— Что смешного?

Она показала на насос.

— Мы четыре дня искали слабое место в линии, а оно стояло перед нами. Посмотрите на посадку. Её повело ещё до выхода на режим.

Локи посмотрел.

Потом снова на Суру.

— Вы взорвали мой насос.

— Не совсем ваш. Городской.

— От этого легче.

Сура вытерла лицо ладонью и только размазала грязь.

— Зато теперь понятно, почему третья схема не держала давление.

Он ещё несколько секунд пытался сохранять серьёзное лицо.

Не получилось.

Сначала усмехнулся.

Потом рассмеялся по-настоящему.

Сура сидела в луже, мокрая до белья, рядом валялись куски прокладки, а человек, который несколько дней назад посылал её вместе с идеями куда подальше, смеялся так, что пришлось опереться рукой о раму.

— Вот теперь мне интересно, — сказала она. — Вы смеётесь над насосом или надо мной?

— Над человеком, который выглядит счастливым после того, как угробил оборудование.

Сура посмотрела на сорванное соединение.

— Потому что ошибка наконец стала видна. До этого она только портила расчёты.

— Очень утешительно.

— Мне — да.

Она попыталась подняться. Ботинок поехал по грязи, Локи успел поймать её за руку и удержал.

Сура встала, отжала мокрые волосы и снова посмотрела на насос.

— Если заменить корпус и поставить промежуточную ёмкость, скачок не ударит по второй ступени напрямую.

Локи уже смотрел туда же.

— Ёмкости нет.

— Сделаем.

— Из чего?

Сура оглянулась на металлический резервуар у стены.

Локи проследил за её взглядом.

На этот раз «нет» прозвучало ещё до того, как она успела открыть рот.

Сура засмеялась снова.

Через несколько минут они уже спорили не о том, стоит ли продолжать, а о том, что именно можно разобрать без последствий для остальной станции.

Ни один из них не заметил, когда проблема окончательно стала общей.

Глава IV

Три месяца

Локи не любил чужие проекты.

Обычно они начинались одинаково: приезжал человек с хорошей одеждой, чистыми руками и идеей, которая должна была изменить жизнь Ксилона. Через несколько дней выяснялось, что для идеи нужен металл, которого нет, люди, которым надо есть, и оборудование, которое существовало только в документах. Ещё через неделю человек уезжал, а Локи оставался объяснять городу, почему очередное будущее не получилось.

Сура отличалась в основном тем, что её было невозможно выгнать.

Утром после взорванного насоса он нашёл её возле западного склада. Она уже успела выяснить, где лежит запасной корпус, договориться с кладовщиком и втянуть в разговор двух рабочих, которые вообще-то пришли за креплениями для крыши. Один держал кусок металла, второй карту, а Сура рисовала пальцем в пыли какую-то новую схему.

Локи остановился в дверях.

Она заметила его не сразу.

— Если снять резервуар отсюда и поставить ближе к центральной ветке, нам не придётся разгонять давление на второй ступени. Объём маленький, зато скачок съест.

— Это резервуар для топлива, — сказал один из рабочих.

— Был.

— Там солярка стояла.

— Прекрасно. Значит, сначала вымоем.

Локи подошёл ближе.

— Не вымоем.

Сура повернулась.

— Доброе утро.

— Вы уже разобрали половину склада?

— Пока только мысленно. Физически мне мешают.

— Правильно делают.

Она улыбнулась так, будто он сообщил что-то приятное.

Локи посмотрел на корпус, потом на резервуар, потом на людей, которые всё ещё ждали его решения.

— Топливный не подойдёт.

— Почему?

— Потому что через него потом воду пить.

— После нормальной обработки остаточная концентрация будет ниже допустимой.

— Нет.

— Это технический аргумент?

— Это Ксилон. Через месяц кто-нибудь решит, что можно не промывать второй раз.

Сура замолчала. Такое случалось редко.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Тогда ищем другой.

Локи хмыкнул. Три дня назад она спорила с ним по поводу каждой гайки. Теперь хотя бы иногда слушала. Пугающий прогресс.

Неделя закончилась в четверг.

Локи узнал об этом случайно, когда увидел, как один из людей экспедиции снова перетаскивает вещи из машины обратно в помещение.

— Вы не уехали?

Мужчина посмотрел на него с такой усталостью, будто вопрос был издевательством.

— Спроси у Князевской.

Сура нашла в старом коллекторе, по колено в грязной воде. Она стояла возле вскрытого участка трубы и что-то записывала на листе, прижимая его к стене.

— Вы ещё здесь, — сказал Локи.

Она не обернулась.

— Это наблюдение или претензия?

— Неделя кончилась.

Сура наконец посмотрела на него.

— Ещё неделя нужна. Не все готово.

Локи прислонился плечом к стене.

— А потом?

— Потом система будет работать достаточно стабильно, чтобы вы продолжили без нас.

— Конечно.

Она прищурилась.

— Что именно в моём объяснении вызвало этот отвратительный тон?

— Ничего. Просто люблю точные сроки.

Сура рассмеялась и вернулась к записям.

Локи не стал говорить, что через неделю они тоже никуда не уедут.

Город был больше любой схемы, а старая сеть обладала редкой способностью ломаться ровно в тот момент, когда они начинали считать её понятной.

Сура пока этого не принимала. Но училась.

Работа постепенно изменила и её, и город.

Через две недели никто уже не называл происходящее временным ремонтом. Возле северной линии вырос склад деталей, в бывшей мастерской держали инструменты, на стене

появилась новая схема, которую Локи разрешил Сура рисовать прямо на штукатурке. Бумаге он больше не доверял.

Сура тоже перестала выглядеть приезжей.

Она знала, где по утрам появляется вода, какой участок перегревается к полудню, кого из сварщиков лучше звать на сложную работу и кого нельзя подпускать к новой трубе, если поблизости есть хоть что-то, что можно приварить «для надёжности».

Иногда Локи ловил себя на том, что ищет её взглядом, хотя никакой необходимости в ней рядом не было.

Это раздражало меньше, чем должно было.

Они научились работать молча.

Если Локи протягивал руку, Сура чаще всего уже знала, какой инструмент нужен. Если она останавливалась посреди расчёта и смотрела на линию слишком долго, он не задавал вопросов. Через минуту она обычно сама находила проблему или начинала ругаться.

Ругалась Сура изобретательно. Особенно на физику. Людей она обычно жалела больше.

Однажды им пришлось снять часть наружной ветки, потому что старый фундамент неожиданно ушёл глубже, чем показывали все найденные схемы. Полдня работы исчезло за двадцать минут.

Локи ожидал обычного потока проклятий.

Сура посмотрела на разобранную трубу, села прямо на землю и спросила:

— Кто строил этот дом?

— Лет тридцать назад. Мужик по имени Сева.

— Жив?

— Нет.

— Очень предусмотрительно.

И начала пересчитывать обход. Вот за это он её и терпел. Не за то, что она была права. Она часто была не права.

За то, что ошибка для неё означала не конец работы, а новые данные.

Механики обычно мыслили так же. Если что-то не заработало, можно либо материться, либо разбирать.

Лучше одновременно.

Сам Локи никогда особенно не думал, почему остался в Ксилоне.

Люди иногда уезжали. Кто-то в более богатые города, кто-то туда, где легче с водой, кто-то просто подальше от пыли и жары. Локи несколько раз получал предложения работать в других местах. Хорошему механику почти везде найдётся работа.

Он всегда отказывался. Не из любви к городу.

Любовь к городу вообще казалась ему странной формулировкой. Можно любить человека. Можно любить хороший инструмент. Можно любить утро, в которое ничего не сломалось.

Город — это стены, трубы и люди, которые постоянно делают с ними что-нибудь не то.

Просто здесь Локи знал, что делает. Он знал, какой насос можно оживить, какой лучше сразу разобрать на запчасти, где старая сеть переживёт ещё одну зиму, а где нужно менять сейчас, пока весной никого не затопило. Знал людей, которые придут ночью, если позвать, и тех, кто сначала спросит, сколько заплатят. В другом городе пришлось бы начинать заново.

Сура спросила об этом как-то вечером, когда они тащили инструменты обратно со станции.

— Ты никогда не хотел уехать?

— Хотел.

Она ждала продолжения. Локи поправил ящик в руке.

— Потом насос сломался.

Сура рассмеялась.

— И так всю жизнь? Это ужасно приземлённо.

— Зато вода идёт.

Она какое-то время шла молча.

— Может, это и есть нормальный способ спасти человечество.

Локи посмотрел на неё. Сура улыбнулась, будто ответ ей понравился. Он не стал уточнять, что говорил серьёзно. Человечество существовало слишком далеко.

Люди — рядом.

Если человек хотел пить, ему была нужна вода, а не концепция будущего.

На водонапорную башню Сура полезла сама. Локи вообще не собирался её туда вести.

Им нужно было проверить уровень в старом резервуаре и состояние верхней линии. Он поднялся первым, добрался до площадки и услышал за спиной металлический скрежет. Обернулся. Сура уже была на половине лестницы.

— Вы куда?

— Наверх.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что можно было подождать внизу.

Локи не нашёл причины, которая её убедит. Через минуту она стояла рядом.

С высоты Ксилон выглядел почти аккуратным. Узкие улицы складывались в понятную сетку, крыши закрывали хаос пристроек, даже цистерны казались частью общего плана. На севере виднелась линия резервуаров. Дальше — сухая земля и дорога.

Сура подошла к краю. Локи заметил, что она улыбается.

— Высоту любите?

— Очень. Отсюда всё выглядит так, будто у него есть система.

Локи посмотрел вниз.

— Обман зрения.

— Не порть момент.

Она села прямо на металлическую площадку и достала из кармана сухую лепёшку.

Локи видел такие у экспедиции. Один раз попробовал. Второго желания не возникло.

— Вы это едите добровольно?

— Там есть белок.

— В гайке тоже.

Сура откусила.

— Гайка хуже жует.

— Не уверен.

Она предложила ему кусок. Локи отказался. Сура съела сама.

Потом начала рассказывать про один из северных городов, где лабораторию построили в бывшем торговом центре, и половина старых вывесок всё ещё висела над дверями. Потом про женщину, которая выращивала лекарственные растения в подземном переходе. Потом про Тарбу.

Локи слушал. О том, куда именно шла экспедиция, она почти не говорила. Он спросил один раз.

Сура ответила:

— Пока не знаю достаточно, чтобы рассказывать.

Локи больше не спрашивал. Не потому, что ему было неинтересно. Потому что, если человек не хочет говорить, вытаскивать ответ клещами — плохая привычка.

Особенно если клещи могут пригодиться по назначению.

Через месяц Сура начала оставлять вещи в его мастерской. Сначала карандаш. Потом блокнот. Потом куртку.

Локи каждый раз собирался напомнить, что у неё есть собственное помещение.

Не напоминал.

Её присутствие стало частью рабочего дня примерно так же, как стук труб или запах машинного масла. Иногда она появлялась рано утром и приносила расчёты. Иногда пропадала на половину дня с людьми экспедиции, а вечером заходила проверить, что Локи успел сделать без её бесценных указаний.

Однажды он поймал себя на том, что оставил ей еду. Не специально. Просто приготовил больше. Так он себе объяснил.

Вечером Сура пришла поздно. Волосы были собраны кое-как, на скуле тёмная полоса грязи, руки в мелких порезах. Она увидела тарелку.

— Это мне?

— Если не хотите, выброшу.

Сура села. Она была слишком уставшей, чтобы продолжать шутку. Локи вернулся к насосу. Через несколько минут стало тихо. Он обернулся.

Сура ела и одновременно читала свои записи.

— Можно хотя бы во время еды не работать?

Она подняла глаза.

— Можно.

И продолжила. Локи решил, что спорить бессмысленно.

Граница между привычкой и чем-то другим появилась без предупреждения.

Они задержались в мастерской после полуночи. На следующий день должен был быть запуск новой ветки, и Локи ещё раз проверял соединение, хотя прекрасно знал, что всё исправно. Сура сидела на столе, свесив одну ногу, и читала расчёты. Когда он закончил, она подняла голову.

— Ты уже третий раз проверил одно и то же.

— Четвёртый.

— Тогда у меня плохие новости насчёт твоего психического здоровья.

— Вы взорвали насос.

— Один.

— Это пока. И я хочу спасти этот.

Сура закрыла блокнот. Локи подошёл забрать его. Она не отдала сразу. Несколько секунд ничего не происходило. Потом Сура отпустила бумагу, но не отстранилась. Локи успел подумать, что наконец-то она замолчала не из-за расчёта. Сура первой отвела взгляд.

— Есть одна вещь, которую тебе лучше узнать сейчас.

Он подождал. Она прыгнула со стола.

— Я замужем. — Локи смотрел на неё. Сура выдержала взгляд. — И у меня есть дочь. Ей семь.

Вот этого он не ожидал. Много. Но не это.

— Муж жив?

— Да. — Сура поморщилась. — Я не собиралась это скрывать.

— Очень своевременно.

— Мы ничего не сделали.

Локи посмотрел на неё.

— Пока.

Она слегка улыбнулась. Не весело.

— Именно поэтому говорю сейчас.

Он сел на край стола и провёл ладонью по лицу. Усталость вдруг стала гораздо заметнее.

— Он знает, где вы?

— Что я в экспедиции — да.

— А что вы ушли?

Сура молчала дольше.

— Я не уверена, что тогда сама считала это окончательным.

Локи поднял глаза.

— А сейчас?

Она подошла к окну. Снаружи было темно. Где-то вдалеке работал генератор.

— Сейчас я не строю планы вокруг возвращения.

Ответ был достаточно ясным. Локи кивнул. Спросить про мужа хотелось меньше, чем про ребёнка.

— Почему?

Сура повернулась. Она прислонилась к подоконнику.

— Потому что дома я постепенно перестала быть человеком, которым хотела быть. Это не вина Романа. Он нормальный муж. Хороший отец. Дело вообще не в нём.

— Тогда в ком?

— Во мне.

Локи усмехнулся без веселья. Она какое-то время подбирала слова. Это тоже было необычно. Обычно слова у Суры появлялись быстрее, чем окружающие успевали от них защититься.

— Из меня не очень хорошая мать.

Локи нахмурился.

— Дочь так считает?

— Ей семь. Пока она считает, что я умею почти всё.

В голосе впервые появилось что-то, чего Локи раньше не слышал. Не вина. Скорее усталость от давно известного факта.

— Я её люблю, — продолжила Сура. — Очень. Но любовь почему-то автоматически считают доказательством пригодности. Это не одно и то же. Я забываю то, что нормальный родитель должен помнить. Задерживаюсь. Думаю о работе, когда она разговаривает. Иногда мне хочется, чтобы меня просто оставили в покое, а ребёнок в семь лет совершенно справедливо считает, что мать должна быть доступна всегда.

Локи слушал.

— И поэтому вы решили, что ей лучше без вас?

— Я решила, что Роман справляется с этим лучше.

— Это не отменяет того, что вы её мать.

Сура махнула рукой.

— Ты бы стал ставить в насос деталь от рации только потому, что она лежит рядом и очень хочет быть полезной?

Локи несколько секунд смотрел на неё.

— Ребёнок не насос.

— Я сравниваю не ребёнка.

Он понял. Сура говорила о себе.

— Всё равно криво.

— Аналогии вообще редко переживают механику.

Локи почти улыбнулся, но не получилось. Он представил девочку. Семь лет. Сура ничего о ней раньше не рассказывала. Теперь почему-то стало трудно не представлять.

— Она вас не простит.

Сура отвела взгляд к окну.

— Возможно.

— Не «возможно». Не простит.

Она посмотрела на него.

— Ты её не знаешь.

— Мне не надо знать ребёнка, чтобы понимать, что мать уехала и не вернулась.

Сура молчала. Локи продолжил спокойнее:

— Может, потом поймёт причины. Может, нет. Но простить — это уже другое. — Сура провела пальцами по краю подоконника. — Её отношение ко мне не изменит важность того, что я делаю.

Вот оно. Без защиты. Без попытки смягчить.

Локи почувствовал, что именно сейчас впервые увидел ту часть Суры, которую раньше замечал только краем.

Она могла искренне любить человека и всё равно поставить что-то другое выше.

Не потому, что любовь была ненастоящей.

Потому что для неё любовь вообще не являлась последним аргументом.

— Это две разные вещи, — сказала Сура. — Если Дема однажды решит, что я была ужасной матерью, она будет иметь на это основания. Но от этого результаты работы не станут менее важными.

Локи кивнул. Спорить не хотелось не потому, что согласился, просто это была её жизнь, её дочь. Её решение.

Он достаточно ненавидел людей, которые приходили и объясняли другим, как правильно жить.

Не собирался становиться одним из них только потому, что Сура ему нравилась.

— Покажешь? Дочь.

Сура несколько секунд смотрела на него, потом полезла во внутренний карман куртки.

Фотография была маленькая, края уже немного стёрлись.

Рыжая девочка сидела рядом с огромным серым медведем, почти выше неё самой. Выражение лица было такое серьёзное, будто фотографирование требовало личной ответственности.

Локи посмотрел на снимок.

Потом на Суру.

— На вас похожа.

— Я надеюсь не характером.

Сура улыбнулась.

На этот раз по-настоящему.

А потом Локи положил руку на её талию. Фотография отправилась во внутренний карман. Потом оказалось, что словами решается не все. Что-то решается на совсем ином уровне восприятия.

Утром её не было в мастерской. Локи проснулся от голоса с улицы. Сура спорила с кем-то насчёт крепления трубы. Он лежал ещё несколько секунд, глядя в потолок. Потом встал. Ничего особенно не изменилось. Только теперь он знал, что в Тарбе есть мужчина по имени Роман и семилетняя девочка с огромным серым медведем. И знал, что всё это Суру не останавливает. После этого она начала говорить о них чаще. Не потому, что Локи спрашивал.

Просто одна история цепляла другую.

Увидела девочку, которая пыталась открутить гайку слишком большим ключом, и сказала, как Дема в пять лет решила самостоятельно открыть консервную банку ножом и оставила на столе царапину, которую Роман потом вспоминал при каждом удобном случае.

Как-то на башне достала фотографию ещё раз, потому что Локи не поверил, что медведь действительно почти выше ребёнка.

Иногда вспоминала Романа.

Без злости.

Это раздражало Локи сильнее, чем если бы она жаловалась на плохого мужа.

Плохого мужа было бы удобно не уважать.

Роман, судя по рассказам, просто существовал где-то далеко, растил их дочь и, вероятно, ждал женщину, которая уже знала, что не вернётся.

Локи старался не думать об этом слишком часто.

Получалось не всегда.

В технический колодец Сура провалилась на шестой неделе. Локи в тот момент был на соседнем участке. Сначала услышал крик. Потом грохот.

Потом очень характерную паузу, после которой люди обычно либо начинали материться, либо уже не начинали ничего.

Он побежал.

Сура лежала внизу на боку, зажав рукой грудную клетку.

— Не двигайтесь.

Она посмотрела вверх.

— Я и не собиралась.

Это был хороший признак. Если шутит — жива. Вытаскивали её вчетвером. К врачу Сура идти не хотела, пока не закончила объяснять, что именно увидела в колодце перед падением. Локи почти силой посадил её на тележку.

— Там боковая ветка ниже, чем на схеме.

— Мне всё равно.

— Тебе через час будет не всё равно, когда опять придётся вскрывать не тот участок.

— Через час вы будете лежать у врача.

— Это совершенно не мешает вам сейчас записать.

Локи наклонился ближе.

— Если вы сейчас не замолчите, я сам добавлю ещё одно повреждение, чтобы поездка не пропала зря.

Сура посмотрела на него.

— Очень заботливо.

Два ребра оказались сломаны. Врач велел лежать.

На следующее утро Локи пришёл на стройку и увидел Суру возле новой разводки.

Она стояла немного боком, явно стараясь не делать глубоких вдохов, и объясняла рабочему, почему крепление нужно поднять выше.

Локи остановился.

Сура заметила его.

— Доброе утро.

— Нет.

Она улыбнулась.

— Рёбра не влияют на расчёты.

— Рёбра вам зачем вообще выдали?

Сура осторожно пожала плечами. Локи закрыл глаза. Потом отправил рабочего за инструментом и подошёл ближе.

— Домой.

— Я ничего тяжёлого не поднимаю.

— Домой.

— Я могу просто сидеть.

— Тогда сидите ДОМА.

— Здесь удобнее.

Они посмотрели друг на друга. Через минуту Локи понял, что проиграл. Посадил её на ящик и запретил вставать без необходимости. Сура согласилась.

Через двадцать минут уже стояла.

На второй день после падения он заметил, что она перестала принимать лекарства. Не сразу. Просто движения стали осторожнее, лицо бледнее, а к вечеру она несколько раз замерла посреди разговора, пережидая боль.

— Таблетки закончились?

Сура не ответила сразу.

Этого хватило.

— Куда делись?

— У мальчика из восточного сектора высокая температура. Там воспаление после раны, а нужного препарата у них не было.

Локи посмотрел на неё.

— Вы отдали своё обезболивающее ребёнку?

— Не только обезболивающее. Там был противовоспалительный.

— Вы едва ходите.

— Он тоже.

— Вы взрослый человек, который утром полезет в очередной коллектор.

— Не полезу. — Локи молчал. Сура выдержала секунду. — Хорошо, постараюсь не полезть.

— Вот именно поэтому я вам не верю.

Она усмехнулась. Он злился. Но арифметика была понятна. Ребёнку действительно нужнее. Это раздражало ещё сильнее.

Сура относилась к собственному телу примерно так же, как к любому другому ресурсу: если где-то полезнее, значит, можно потратить.

Локи тогда ещё не подумал, что однажды она начнёт так же считать не только себя.

Через два месяца руководитель экспедиции снова предложил всё свернуть.

На этот раз причины были серьёзные. Маршрут ушёл слишком далеко от первоначального графика. Часть данных, которые группа ждала дальше на юге, могла устареть. Запасы приходилось докупать, а Ксилон не был богатым городом.

Локи в разговор не вмешивался. Он вообще узнал о нём уже после. Потому что Сура перестала разговаривать с руководителем. Первый день это выглядело случайностью. На второй стало смешно. На третий Локи не выдержал.

Они сидели на башне. Сура ела свою сухую лепёшку и что-то отмечала в блокноте.

— Вы с ним ещё долго не разговаривать собираетесь?

Она подняла голову.

— Это сейчас непродуктивно.

Локи кивнул.

— Понятно.

Сура прищурилась.

— Просто он снова предлагает бросить систему на этапе, когда до полной стабилизации осталось несколько недель. Повторять ему одни и те же аргументы бессмысленно.

Локи посмотрел на город.

— То есть обиделись.

Сура откусила лепёшку.

— Я начинаю понимать, почему у тебя мало друзей.

— Зато разговариваю с ними.

Она засмеялась.

На следующий день с руководителем заговорила.

Локи решил не считать это своей заслугой.

К концу второго месяца они начали подниматься на башню почти каждый вечер.

Иногда ради проверки.

Чаше без причины.

Наверху было прохладнее, а Ксилон наконец начинал выглядеть не как набор неисправностей.

В нескольких районах уже шла вода. Люди перестали собираться у одной цистерны с утра. Старые коллекторы частично восстановили, наружная линия тянулась вдоль двух кварталов, где копать было слишком опасно.

Сура обычно сидела на краю площадки, вытянув ноги, и рассказывала.

Локи слушал. Про Тарбу. Про лаборатории. Про места, где она работала раньше. Про Дему. Про Романа тоже. О том, что ищет на юге, по-прежнему почти ничего. Иногда Локи думал, что должен спросить. Потом смотрел на неё и не спрашивал.

Если человек три месяца идёт к чему-то, ради чего оставил мужа, ребёнка, а теперь ещё и город, где ему хорошо, вопрос уже не в названии цели.

Вопрос в том, остановится ли он вообще.

Локи ответ примерно знал.

Суру было легко любить, пока не пытался решить, хорошая она или плохая.

Стоило начать — всё разваливалось.

Она могла провести ночь в грязном коллекторе, чтобы дать воду людям, чьи имена неделю назад не знала, и одновременно не возвращаться к собственной дочери.

Могла отдать лекарства чужому ребёнку, а потом раздражаться, когда ей запрещали работать со сломанными рёбрами.

Могла смеяться так, что начинали смеяться остальные, и через минуту совершенно спокойно сказать вещь, от которой становилось неудобно.

Иногда была эгоистичной. Иногда — бесконечно щедрой. Часто одновременно. Локи однажды попытался решить, что из этого настоящее.

Не получилось.

Пришлось принять более неприятный вариант.

Всё.

Почти через три месяца вода впервые пошла в восточный сектор без падения давления. Не на пять минут. Не до следующего поворота. Нормально. Локи проверил линию дважды. Потом ещё раз насос.

Сура стояла рядом и смотрела на приборы.

— Работает, — сказал он.

Она продолжала смотреть.

— Пока.

— Нет. Просто работает.

Сура подняла глаза.

— Ты сейчас предлагаешь мне перестать искать, где сломается?

— На пять минут.

Она подумала.

— Хорошо. Пять.

Они вышли наружу.

Возле точки разбора уже собирались люди. Не очередь в прежнем смысле. Кто-то набирал воду, кто-то просто стоял и смотрел, будто боялся, что поток исчезнет, если отвернуться.

Сура прислонилась плечом к стене. Локи ожидал, что она начнёт считать. Она не стала. Просто смотрела. Через несколько минут он заметил, что она улыбается.

— Всё. Пять минут закончились.

Сура повернулась.

— Ты засекал?

— Конечно.

— Отвратительный человек.

— Насосы дисциплинируют.

Она рассмеялась. Вечером они снова поднялись на башню. Сура достала свою лепёшку. Локи молча протянул ей нормальную еду.

Она посмотрела на свёрток.

— Ты опять пытаешься спасти меня от пайка?

— Нет. Себя. Смотреть больно.

Сура взяла. Внизу горел Ксилон. Вода шла. Они приехали сюда на два дня. Локи под- считал однажды. Получилось почти три месяца.

Экспедиция уже получила сообщение, которого ждала. Через несколько дней должна была собираться дальше на юг.

Сура об этом пока не говорила.

Локи тоже.

Она сидела рядом, ела, смотрела куда-то за город, и впервые за всё время ему хотелось, чтобы в системе нашлась ещё одна проблема.

Не большая.

Такая, которую можно чинить ещё месяц.

Глава V

Если останусь

Работа закончилась во вторник.

Сура поняла это не сразу.

Утром они проверили давление на северной линии. Потом прошли восточный сектор, где два дня назад заменили последнее ненадёжное соединение. После полудня Локи снова запустил оба насоса под полной нагрузкой, хотя делать это уже не требовалось. Сура стояла возле щита с блокнотом и ждала привычного отклонения.

Его не было. Стрелка держалась в нужном диапазоне. Через десять минут тоже. Через двадцать — всё ещё.

Сура записала показатели, прошла к следующей точке и повторила проверку. Там было почти то же самое. Потери укладывались в расчётные, резервуар заполнялся с нужной скоростью, восточная ветка наконец перестала вести себя так, будто вода предназначена исключительно для первых двух кварталов.

Она вернулась к насосной.

Локи сидел возле открытого ящика с инструментами и перебирал прокладки.

— На третьей точке нормально.

Он кивнул.

— На четвёртой тоже. Проверил раньше.

Сура посмотрела на него с некоторым раздражением.

— Тогда зачем я туда ходила?

— Мне было интересно, сколько раз тебе нужно проверить одно и то же, прежде чем ты согласишься.

Она собиралась ответить, но снова посмотрела на приборы. Стрелка стояла на месте. Ничего не текло. Ничего не перегревалось. Ни один человек не прибежал с сообщением, что в другом конце города только что разорвало трубу.

Это было подозрительно.

— Работает, — сказал Локи.

Сура закрыла блокнот.

— Пока.

Он ничего не ответил. От этого слово прозвучало глупее, чем обычно. Она постояла ещё немного, потом всё-таки отошла от щита.

Вода действительно работала.

За три месяца Ксилон успел приучить её к мысли, что у любой исправной системы есть скрытый участок, о существовании которого никто не помнит. Иногда этот участок находился под домом. Иногда под мастерской. Однажды — прямо под человеком, который уверял, что там никогда никаких труб не было.

Теперь искать стало нечего.

Сура неожиданно почувствовала себя лишней.

В восточном секторе раньше стояла очередь. Не та, первая, возле цистерны. Поменьше. Люди собирались у временного выхода, куда воду подавали дважды в день, и старались прийти раньше соседей.

Теперь из трубы у стены шёл постоянный поток.

Сура увидела женщину, которая стояла рядом в первый день. Узнала не сразу: тогда у неё были две канистры и злое лицо, сейчас одна канистра уже наполнилась, а рядом мальчик лет десяти пытался поймать ладонями воду, летевшую из крана.

Женщина заметила Суру.

— Постойте.

Сура остановилась. Женщина поставила канистру на землю и полезла в сумку. Сура приготовилась объяснять, что никаких денег им не нужно, но вместо этого получила свёрток.

— Что это?

— Возьмите.

Внутри оказался хлеб. Нормальный. Ещё тёплый. Сура посмотрела на женщину.

— У нас есть еда.

— Теперь и у нас вода есть.

Аргумент оказался достаточно законченным.

— Спасибо.

Женщина кивнула и вернулась к канистре. Сура пошла дальше со свёртком в руках.

За следующие два часа ей дали ещё две лепёшки, сушёное мясо, банку чего-то маринованного и кусок ткани, назначение которого она так и не поняла. Пожилой мужчина попытался вручить ей металлический браслет. От браслета удалось отказаться только после того, как Сура убедила его, что металл нужнее в городе.

Локи нашёл её возле мастерской, когда она пыталась решить, куда деть всё собранное.

— Что это?

— Последствия благодарности.

Он посмотрел на хлеб, мясо и банку.

— Неплохие последствия.

— Забирай.

— Почему?

— Ты здесь остаёшься.

— А вы?

Сура посмотрела на него. Он уже знал. Конечно, знал. Утром пришло сообщение.

Группа собралась после обеда.

За три месяца такие собрания перестали выглядеть как часть экспедиции. Люди расселись кто где: кто-то на ящиках, кто-то прямо на полу. У нескольких одежда была в строительной пыли. Один из охранников пришёл с инструментом в руке и только потом вспомнил, что собирался его куда-то отнести.

Координатор дождался тишины.

— Есть подтверждение из Анутры.

Сура перестала листать записи.

— Какое?

— Старый архив существует. Не полностью. Подземное хранилище пережило разрушение административного корпуса, часть секций вскрывали позже, но внутренний каталог сохранился. Местные нашли упоминания материалов первых исследовательских групп после Архангела.

В комнате стало заметно тише. Вот теперь Ксилон действительно закончился. Не потому, что вода пошла. Потому что снова появилась дорога.

— Период? — спросила Сура.

— Самые ранние документы датированы первыми годами после основной волны.

Она выпрямилась.

Это было лучше, чем они рассчитывали.

Их экспедиция изначально создавалась именно ради таких находок. Не ради отдельных медицинских формул и не ради очередного списка мутаций, которых к этому времени накопили тысячи. Их интересовал Архангел как процесс.

Шесть десятилетий люди жили среди его последствий и всё ещё спорили о том, где заканчивается болезнь и начинается адаптация.

Слишком многое потерялось в первые годы.

Одни города записывали заражённых как погибших и не отслеживали тех, кто выжил. Другие фиксировали только внешние изменения. Третьи изучали способности архов, почти не интересуясь обычными носителями. Ранние лаборатории закрывались вместе с людьми, которые там работали. Архивы горели, переносились, переписывались, продавались, исчезали.

В результате человечество прекрасно знало, что Архангел изменил мир.

Значительно хуже — как именно.

Суру это раздражало уже много лет.

Если существовал механизм, он должен был оставлять следы. Последовательность. Закономерность. Причины, по которым один организм погибал, другой почти не менялся, а третий приобретал свойства, которых человеческая биология раньше не допускала.

Случайность тоже была механизмом. Просто самым ленивым объяснением.

— Что именно в каталоге? — спросила она.

Координатор передал планшет. Сура пробежала глазами список.

Старые наблюдения за первыми волнами заражения. Медицинские карты. Отчёты нескольких исследовательских групп. Упоминания сравнительных образцов тканей архов и людей без выраженных изменений. Несколько разделов были повреждены, часть названий ничего ей не говорила.

Одно заставило задержаться. Перемещённые материалы. Без расшифровки. Сура пролистнула дальше.

— Когда выходим?

Кто-то тихо засмеялся. Она подняла голову.

— Что?

Координатор посмотрел на неё.

— Три месяца я слышу, почему мы не можем уехать из Ксилона. И вот наконец дождался. Сура вернула планшет.

— Здесь больше нет причины задерживаться.

Фраза прозвучала абсолютно логично. Почему-то после неё стало неудобно.

До Анутры путь занимал несколько дней, если дороги окажутся проходимыми.

Юг.

Снова юг.

Сура провела остаток собрания над маршрутом. Нужно было пополнить воду, проверить запас топлива, пересчитать лекарства после всего, что потратили в Ксилоне, и решить, какая часть оборудования переживёт ещё один переход.

Когда собрание закончилось, люди разошлись собирать вещи. Сура осталась. На экране была схема пути. Ксилон теперь стоял позади маршрута. Она провела пальцем вниз, к Анутре. Старый архив. Первые годы после Архангела. Возможно, просто очередной набор неполных документов. Возможно, нет.

Три месяца назад этого было бы достаточно, чтобы она не думала больше ни о чём. Сейчас мысль почему-то продолжала возвращаться к свёртку с хлебом в мастерской.

Сура закрыла планшет.

Город отреагировал на известие об отъезде спокойно. Это понравилось ей больше торжественного прощания. Работа была закончена. Люди поблагодарили. Кто-то спросил, когда группа вернётся. Сура честно отвечала, что не знает.

Никто не просил её остаться.

Кроме тех, кто хотел ещё раз проверить насос.

Последний день ушёл почти целиком на передачу системы. Сура прошла с местными по новым участкам, оставила исправленные схемы, объяснила, где давление можно поднимать, а где нельзя даже при большом желании. Особое внимание уделила южному насосу, который после ремонта всё ещё требовал больше уважения, чем доверия.

Локи слушал её вместе со всеми. Это раздражало.

— Ты всё это знаешь.

— Знаю.

— Тогда зачем стоишь?

— Хочу убедиться, что остальные тоже услышали.

Сура посмотрела на двоих мужчин рядом.

— Если через месяц здесь сорвёт соединение, я каким-то образом узнаю.

Один из них усмехнулся.

— Из Анутры?

— Найду способ.

Локи даже не улыбнулся. Ей это не понравилось.

Впрочем, за весь день он почти ничем не показывал, что завтра она уезжает. Работал, носил инструмент, проверял крепления. Один раз ушёл за деталями и пропал почти на час.

Обычный день.

Сура тоже вела себя обычно.

Так было проще.

Собирать вещи оказалось неприятнее. Не потому, что их было много. Наоборот.

Три месяца назад она пришла к Локи почти без ничего. Теперь пришлось несколько раз пройти по мастерской, обнаруживая собственные предметы в местах, где не помнила, что оставляла их.

Блокнот лежал возле инструментов. Рубашка — на спинке стула. Запасная резинка для волос нашлась рядом с коробкой крепежа. В одном из ящиков оказался носок. Один. Сура долго смотрела на него.

— Это уже оскорбительно.

Локи поднял голову от стола.

— Что?

Она показала носок.

— Как он здесь оказался?

— Не знаю.

— Я серьёзно. Носки не должны исчезать по одному.

— Скажи это трубам.

Сура засмеялась и бросила носок в рюкзак. Комната постепенно становилась чужой. Не буквально. Просто исчезали мелкие признаки того, что она здесь жила. Рубашка. Бумаги. Кружка, которую она однажды забрала у Локи и после этого почему-то стала считать своей.

Сура взяла кружку. Поставила обратно. Локи заметил. Ничего не сказал.

— Этот блокнот оставлю тебе, — сказала она. — Там последние замеры и реальные диаметры участков. Не переписывай на старую карту. Лучше вообще её сожги.

— Ту самую?

— Она едва не погубила мой профессиональный авторитет.

— У вас он был?

Сура посмотрела на него.

— Всё. Кружку тоже забираю.

— Это моя кружка.

— Теперь поздно.

Он усмехнулся. Она сунула кружку в рюкзак. Почему-то стало легче.

К вечеру они поднялись на башню.

Нужно было проверить верхний резервуар перед ночным циклом. По крайней мере, именно так это называлось.

Сура прошла по площадке, проверила показатели, заглянула к соединению и только потом села у ограждения.

Локи принёс еду. Не пайковую.

За последние недели он почти полностью вытеснил её лепёшки из рациона и явно считал это одним из главных достижений проекта.

Внизу Ксилон медленно темнел.

С высоты новая наружная линия была почти не видна. Зато было видно людей возле точек разбора. Несколько детей бегали у воды. Кто-то ругался на собаку.

Обычный город. Наверное, это и было лучшим результатом. Сура поела и снова посмотрела на юг.

— Что в Анутре? — спросил Локи.

Она повернулась. За три месяца он почти не задавал вопросов о цели экспедиции. Сура привыкла к этому настолько, что теперь удивилась.

— Архив.

— Это я слышал.

— Старый исследовательский архив. Первые годы после Архангела.

Локи ждал. Сура вытерла пальцы о салфетку.

— Мы пытаемся понять, что именно произошло тогда с человеком. Не исторически. Биологически. Почему изменения пошли настолько разными путями. Что было первичным воздействием, что стало поздней адаптацией, насколько наследуются изменения, где заканчивается влияние среды.

— И ради этого вы ездите по городам и ищите старые бумажки?

— Иногда не бумажки.

Сура улыбнулась.

— Чем старше данные, тем они ценнее. Сейчас мы изучаем уже результат десятилетий отбора. Первые исследования ближе к исходному событию. Там могли фиксировать вещи, которые потом исчезли или стали нормой и перестали казаться важными.

Она почувствовала знакомое возбуждение.

— Представь, что у тебя есть двигатель после двадцати лет ремонтов. Половина деталей заменена, что-то переделано, что-то вообще не родное. Ты можешь понять, как он работает

сейчас. Но если хочешь узнать, почему изначально сломалась система, тебе нужен момент до того, как все начали её чинить.

Локи посмотрел на неё.

— Наконец нормальное объяснение.

— Я старалась специально для тебя.

Он снова перевёл взгляд на город.

— А если ничего там не найдёте?

— Тогда поедем дальше.

Ответ получился слишком быстрым. Локи кивнул. Сура поняла, о чём на самом деле был вопрос. Через несколько минут он спросил:

— А если не поедешь? В Анутру.

— Зачем мне не ехать?

Локи повернулся к ней.

— Останься.

Сура ещё секунду продолжала искать практический смысл.

— Здесь всё работает. Если переживаешь за насос, я оставила—

— Не из-за насоса. — Он произнёс спокойно. Без улыбки. — Со мной.

Сура замолчала. Ветер тянул волосы к лицу. Она убрала их за ухо. Ответ был уже готов. И именно поэтому она не сказала его сразу. Не ради Локи. Ради себя.

За три месяца она достаточно хорошо научилась смотреть на системы до того, как что-нибудь в них сломается.

Можно было остаться. Мысль оказалась неожиданно простой. Не возвращаться в Тарбу. Не ехать в Анутру.

Снять или получить здесь помещение. Организовать небольшую лабораторию. Работы хватит на годы. В городе полно проблем, которые никто не исследовал просто потому, что людям было важнее добывать воду и чинить стены.

Утром просыпаться здесь. Локи будет ругаться на очередной насос. Она — на его методы ведения документации. Вечером можно подниматься на башню.

Это была нормальная жизнь. Возможно, даже хорошая.

Сура впервые позволила себе представить её до конца. И почти сразу поняла, чем она закончится.

— Нет.

Локи отвернулся к городу. Никакого удивления на лице не появилось.

— Быстро.

— Я уже подумала.

— За пять секунд?

— Намного раньше. Просто не формулировала.

Он некоторое время молчал. Сура подтянула колени.

— Если я останусь, сначала всё будет хорошо.

Локи посмотрел на неё.

— Хорошее начало.

— Подожди. — Она сама усмехнулась. — Может быть, полгода. Может, больше. Я буду работать, ты будешь чинить всё, что остальные ломают. Мы будем жить вместе и спорить из-за твоей привычки хранить полезный металлолом до тех пор, пока он не превращается в бесполезный.

— Уже причина остаться.

— Потом я начну думать об Анутре. О том, что они там нашли. Потом о следующем месте. Через год буду подниматься сюда и смотреть на юг.

Локи перестал улыбаться.

Сура говорила медленно, потому что впервые слышала эту мысль целиком.

— И в какой-то момент я начну ненавидеть Ксилон за то, что осталась. Хотя Ксилон не виноват. Потом тебя — потому что ты попросил. Хотя ты тоже не будешь виноват.

— Очень приятная перспектива.

Она повернулась к нему.

— Я не хочу однажды проснуться рядом и обнаружить, что сделала тебя причиной решения, которое приняла сама.

Локи посмотрел вниз.

— А если всё это окажется зря?

Вот тут Сура задумалась. Архив мог быть пустым. Данные — бесполезными. Следующая точка могла привести ещё к одной. Годы могли уйти на вопрос, у которого вообще нет ответа.

— Тогда хотя бы это будет моя ошибка.

Он хмыкнул.

— Конечно.

— Что?

— Ничего.

— Нет, говори.

Локи качнул головой.

— Просто ты даже ошибаться хочешь самостоятельно.

Сура рассмеялась.

— А как ещё?

Он тоже улыбнулся, но ненадолго. Несколько минут они просто сидели. Внизу вода продолжала идти.

— Жаль, — сказал Локи.

Сура опустила голову ему на плечо.

— Мне тоже.

Никакого противоречия в этом не было.

Ночь ничем не отличалась от предыдущих. И отличалась всем. Сура уснула поздно.

Проснулась оттого, что стало холодно, обнаружила почти всё одеяло на стороне Локи и молча забрала половину обратно.

Он что-то недовольно пробормотал во сне. Сура улыбнулась в темноте. Через несколько часов надо было вставать.

Она закрыла глаза.

Утром группа была готова раньше неё. Впервые за три месяца.

Сура вышла из мастерской с рюкзаком, посмотрела на машины и сказала координатору:

— Десять минут.

Он даже не спросил. Просто поднял глаза к небу. Сура пошла к башне. Последняя проверка была совершенно лишней.

Именно поэтому её следовало сделать.

Она поднялась наверх, проверила уровень резервуара, осмотрела соединение и уже собиралась спускаться, когда заметила крепление на боковой трубе.

Сура остановилась. Посмотрела ближе. Два болта. Из четырёх. Она закрыла глаза.

— Вы издеваетесь.

Рабочие были внизу. Сура перегнулась через ограждение.

— Кто закреплял северную трубу?

Один мужчина поднял голову.

— А что?

— Почему там два болта?

— И так же держит.

Это слово уже начинало вызывать у неё физическое отвращение.

— Она должна не просто держать сегодня. Она должна пережить давление, температурное расширение и хотя бы одну зиму!

— Остальные потом поставим.

— Когда потом?

Рабочий пожал плечами. Сура уже спускалась. Локи встретил её на середине лестницы.

— Машины ждут.

— Они поставили два болта.

Он посмотрел вверх.

— Я знаю.

Сура остановилась.

— Ты знаешь? И ничего не сделал?

— Хотел проверить, заметишь ли.

Она уставилась на него.

— Это уже какое-то патологическое состояние.

Локи усмехнулся.

— Болты внизу.

Сура спустилась быстрее.

Через десять минут труба была закреплена нормально. Через пятнадцать координатор пришёл за ней лично.

У машин собралось больше людей, чем Сура ожидала.

Кто-то пришёл просто посмотреть. Кто-то принёс ещё еды.

Хозяин той самой пекарни, из-за которого они когда-то меняли половину наружной линии, сунул водителю мешок хлеба и предупредил, что это не для Суры, потому что она три месяца пыталась провести трубу через его двор.

Сура поблагодарила особенно громко.

Он сделал вид, что не услышал.

Прощания вышли короткими.

Так было лучше.

Сура обняла нескольких людей из рабочей группы, кому-то пожала руку, ещё раз повторила, где лежат последние схемы. Координатор уже сидел в машине и принципиально не смотрел в её сторону.

Локи стоял чуть дальше. Она подошла сама. Некоторое время оба молчали. Вчера всё важное уже сказали.

— Кружку всё-таки украла? — спросил он.

Сура посмотрела на рюкзак.

— Временно позаимствовала.

— Конечно.

Она улыбнулась. Потом стало серьёзнее.

— Если найду то, что ищу, я вернусь.

Локи ничего не сказал. Сура продолжила:

— Покажу тебе, ради чего всё это было.

Он посмотрел на неё внимательно. Не на дорогу. Не на машины. На неё.

— Сначала найди.

— Найду.

Это не было обещанием вернуться. Они оба понимали разницу. Сура подошла ближе и поцеловала его.

Недолго.

Локи коснулся её щеки. Потом отпустил.

Сура повернулась к машине раньше него.

Ксилон уходил назад медленно. Так же когда-то уходила Тарба. Но тогда Сура первые километры не могла читать маршрут. Сейчас планшет лежал у неё на коленях уже открытый. Она всё равно несколько минут смотрела в окно.

Башню было видно дольше домов. Потом исчезла и она. Сура опустила взгляд.

АНУТРА.

Под названием шёл предварительный перечень архивных секций. Эпидемиологические наблюдения. Первые зарегистрированные устойчивые носители. Изменения тканей. Необычные наследственные проявления.

Списки эвакуированных исследовательских материалов.

Последний пункт она открыла отдельно. Часть строк была повреждена. Несколько названий удалось восстановить лишь частично. Сура увеличила фрагмент. Где-то в одном из этих архивов мог лежать ответ.

Или хотя бы следующий вопрос.

Она потянулась за карандашом и обнаружила в боковом кармане сложенный лист. Развернула.

На нём рукой Локи были записаны размеры трубы, которую они меняли две недели назад, и сбоку — плохо читаемая пометка о прокладках.

Сура посмотрела на лист. Потом сложила обратно. Выбрасывать не стала.

Машина повернула на юг.

Глава VI

Исходные данные

Анутра появилась на горизонте на четвёртый день.

Сначала — промышленные трубы. Потом старые башни связи, многоэтажные корпуса и широкая линия внешней стены. Дорога перед воротами постепенно перестала быть дорогой в привычном понимании экспедиции: появились указатели, боковые съезды, освещение, грузовые площадки. Перед постом стояли машины, люди предъявляли документы, кто-то ругался из-за очереди.

После Ксилона всё это выглядело почти избыточно организованным.

Сура поймала себя на том, что смотрит не на стены и не на охрану, а на наружную линию водоснабжения, уходившую вдоль одного из промышленных корпусов. Крепления стояли через равные промежутки. Труба была новая.

Она отвернулась.

Четыре дня — недостаточно, чтобы перестать видеть город глазами механика.

Проверка заняла около получаса. Экспедицию ждали, поэтому большую часть вопросов решили заранее, но груз всё равно осматривали тщательно. Охранник долго изучал оборудование, потом документы и только после этого поднял шлагбаум.

Внутри город оказался ещё больше, чем выглядел снаружи.

Широкие улицы пересекались на нескольких уровнях, между зданиями двигался транспорт, работали магазины и мастерские. Старые постройки здесь не сносили без необходимости; их укрепляли, надстраивали, соединяли новыми переходами. Возле административного квартала сохранилась часть довоенной площади, а дальше виднелось полуразрушенное здание вокзала, давно потерявшее рельсы, но почему-то сохранившее огромные часы над входом.

Они отставали на семь минут.

Сура заметила это автоматически.

— Архив в старом исследовательском секторе, — сказал координатор. — Нас разместят рядом. Сегодня оформляем доступ, завтра начинаем работу.

— Почему завтра?

Он посмотрел на неё.

— Потому что люди здесь иногда спят.

— Архив тоже?

— Особенно архив.

Сура хотела возразить, но передумала.

Дорога действительно вымотала всех сильнее, чем казалось. Ксилон оставался всего в нескольких днях позади, но тело уже напоминало, что три месяца нормального режима у них не было.

Она решила потерпеть до утра.

Получилось почти до вечера.

Архив находился под старым административным корпусом.

Снаружи здание выглядело неинтересно: серый бетон, укреплённые окна, поздняя пристройка с современной вентиляцией. Внутри начинались толстые стены, металлические двери и коридоры, в которых температура постепенно падала по мере спуска.

Архивистом оказался сухой мужчина лет шестидесяти по имени Егор Платонович. Он выслушал объяснение цели экспедиции, попросил документы, перечитал их дважды и сообщил, что доступ к основным каталогам будет открыт утром.

Сура посмотрела на часы.

— Сейчас ещё шесть. До ночи четыре часа.

— До закрытия семь минут.

Она решила, что ослышалась.

— У вас научный архив закрывается в шесть?

— У нас сотрудники архива уходят домой в шесть.

— Документы при этом остаются здесь.

Сура посмотрела на координатора.

Тот отвернулся, но по движению плеч стало понятно, что поддержки не будет.

— Нам нужно только посмотреть каталог. Электронный.

— Завтра.

— Я ничего не буду трогать.

Егор Платонович впервые улыбнулся.

— Вот этой фразе я особенно не верю.

Через пять минут они оказались на улице. Сура постояла перед входом.

— Очень странный подход к сохранению научного знания.

— Он просто не дал тебе ночевать в архиве, — заметил координатор.

Она посмотрела на него.

— Почему сегодня все разговаривают со мной таким тоном?

— Потому что последние три месяца ты жила рядом с человеком, который выработал у тебя ложное ощущение, что окружающие обязаны терпеть твои методы.

Сура открыла рот. Закрыла.

— Это несправедливо.

— Завтра в девять.

Он ушёл. Сура посмотрела на запертую дверь ещё раз и решила, что девять — неприлично поздно.

В восемь сорок она уже стояла у входа.

Егор Платонович пришёл в восемь пятьдесят семь, увидел её и никак не отреагировал. Это Суре не понравилось больше, чем если бы он пошутил.

— Вы всегда так рано?

— Нет.

Он открыл дверь.

Архив оказался намного больше, чем она ожидала.

Первая часть была современной: электронные терминалы, восстановленные каталоги, климатизированные хранилища. Дальше начинались старые секции, которые десятилетиями пополняли без единой системы. В одном помещении документы стояли по тематике, в другом — по году поступления, в третьем порядок определялся человеком, умершим лет двадцать назад и не оставившим объяснений.

Одна из коробок была подписана: **МЕДИЦИНА. РАЗНОЕ.**

Сура остановилась.

— Кто это сделал?

Егор Платонович даже не обернулся.

— Человек, который в тот момент спасал бумаги из горящего корпуса.

Она посмотрела на коробку ещё раз.

Первый день ушёл почти полностью на поздние сводки.

Большая часть оказалась бесполезной.

Не совсем. Для учебника — прекрасно. Для понимания механизма Архангела — почти ничего.

Там были описания первых поколений архов, классификации эввов, медицинские рекомендации, статистика наследования отдельных признаков. Прекрасные таблицы, составленные спустя десятилетия после того, как мир уже успел измениться.

Суру интересовало другое.

Она хотела увидеть момент, когда изменение ещё не получило названия.

Когда никто не знал, считать ли его болезнью, адаптацией или началом чего-то нового.

К обеду она прочитала четыре описания людей, способных воздействовать на температуру предметов, семь случаев необычной регенерации и отчёт о мужчине, который однажды случайно поджёг стул.

Исходных анализов крови у мужчины не сохранилось. Возраст первого проявления неизвестен. Характер воздействия Архангела не зафиксирован. Сохранился стул. Точнее, его фотография.

Сура отодвинула терминал.

— Замечательно.

Исследователь за соседним столом поднял голову.

— Что?

— Мы знаем, что объект номер сто четырнадцать поджёг мебель. Всё остальное человечество сочло второстепенным.

— Стул хотя бы был хороший?

Она посмотрела на фотографию.

— Теперь уже нет.

К вечеру раздражение стало почти физическим. Проблема оказалась не в отсутствии данных. Их было слишком много.

Люди годами собирали всё необычное, потому что необычное легче замечать. Способность передвинуть предмет без рук попадала в отчёт. Медленное изменение обмена веществ — нет. Человек, переживший дозу радиации, считавшуюся смертельной, становился объектом исследования. Тысяча людей с чуть изменёнными показателями крови — статистическим шумом.

А именно шум мог оказаться важнее всего.

На второй день Сура перестала читать отчёты подряд. Она составила собственную систему поиска.

Её интересовали ранние материалы: первые волны после Архангела, ещё до того, как нынешняя классификация стала привычной. Случаи, где изменения фиксировали несколько раз во времени. Наблюдения за людьми без ярких способностей. Дети первых изменённых. Любые попытки сопоставить реакцию организма с условиями среды.

К обеду на столе лежало уже двенадцать списков. Егор Платонович посмотрел на них.

— Вы решили создать второй архив внутри первого?

— Вашему это не повредит.

— Именно так начинаются самые плохие системы хранения.

Сура проигнорировала.

Результат появился вечером. Не открытие. Сначала просто неприятное совпадение.

У женщины, пережившей несколько месяцев в зоне постоянного химического загрязнения, после Архангела резко изменился механизм работы печени. У мужчины из высокорационного района ткани начали восстанавливаться быстрее обычного. Несколько человек из северных поселений демонстрировали изменения теплообмена, которые позднее стали считать обычными наследственными аномалиями.

Отдельно всё выглядело случайностью. Вместе — хуже.

Сура нашла ещё пять случаев. Потом семь. Она перенесла показатели в таблицу и просидела над ней до закрытия.

— Это ничего не доказывает, — сказал один из биологов группы. Выборка смещена. Сохранились необычные случаи. Мы не знаем, каким был организм до воздействия.

— В большинстве случаев нет.

Он подвинул к себе таблицу.

— Тогда почему ты так смотришь?

Сура посмотрела на экран. Потому что ей не нравилось слово «случайность», когда оно требовалось слишком часто.

— У них разные изменения. Но они подозрительно часто усиливают то, что организму уже было нужно.

— После события легко найти смысл.

— Именно поэтому я пока ничего не утверждаю.

Она закрыла таблицу. Это было правдой.

Почти.

На третий день нашли ранние журналы. Не благодаря Суре.

Егор Платонович пришёл утром с бумажным списком и положил его перед ней.

— Вчера вспомнил одну секцию.

Она подняла глаза.

— Вчера?

— Мне шестьдесят три. Иногда информация приходит с задержкой.

— Какая секция?

— Поступление из старого медицинского института. Сохраняли всё подряд. Первые годы после Архангела, часть документов ещё старше. Каталог не полностью перенесён в систему.

Сура уже вставала.

— Где?

— Сначала чай.

Она остановилась.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

Егор Платонович налил себе чай. Сура ждала. Через несколько минут они спустились ещё на этаж ниже. Дверь открылась не сразу.

Замок заедал, ключ пришлось повернуть дважды, потом архивист толкнул дверь плечом. Сура посмотрела на механизм.

— Это можно починить.

— Нет. Потому что тогда все начнут сюда ходить.

Она решила, что в этом есть логика.

Внутри пахло бумагой, металлом и старой пылью. Часть документов лежала в герметичных контейнерах, часть — в обычных коробках. На полках стояли накопители настолько старые, что для их чтения пришлось искать отдельный терминал.

Первые несколько часов снова дали почти ничего. Потом Сура наткнулась на ссылку. Она была в отчёте одного из ранних исследовательских центров Архангела.

Не сам отчёт заинтересовал её. Примечание.

Использованы материалы программы адаптивной физиологии, северная группа, архивный индекс ПЧ-17.

Сура перечитала. Программа была старше Архангела. Намного.

Она открыла связанные записи. Часть отсутствовала.

В другой секции нашлось упоминание тех же материалов — уже как о базовых данных, использованных при построении ранних моделей устойчивости человеческого организма.

Сура перестала листать.

— Позовите остальных.

Егор Платонович посмотрел на часы.

— До обеда ещё сорок минут.

— Это не связано с обедом.

— Для вас вообще мало что с ним связано.

Но позвал.

Через час вокруг одного терминала стояло половина группы. На экране была цепочка ссылок. Не научная сенсация. Административная история.

Двести лет назад существовала программа, изучавшая адаптацию человеческого организма к экстремальным условиям. Несколько лабораторий, полевые группы, северные станции. Часть данных позднее использовали исследователи, работавшие уже над Архангелом.

Не как готовую технологию. Как фундамент.

Сравнительные показатели тканей. Наблюдения за метаболической перестройкой. Реакция на холод. Радиационная устойчивость. Попытки понять, насколько далеко вообще можно изменить физиологию человека, прежде чем изменение перестанет быть совместимым с жизнью.

— Архангел не возник из этого напрямую, — сказал один из биологов.

— Пока ничего такого нет, — согласилась Сура.

— Тогда что тебя так заинтересовало?

Она приблизила старый индекс.

— Потому что эти материалы постоянно цитируют там, где речь идёт не о последствиях Архангела, а о принципе адаптации. И потому что большая часть исходников отсутствует.

Координатор нахмурился.

— Уничтожены?

— Не все.

Она открыла другую запись.

Среди административных документов сохранился перечень перемещений.

Старые программы закрывались, объединялись, архивы перевозили. Большая часть маршрутов никуда не вела: исследовательские центры давно исчезли, названия городов изменились, некоторые территории вообще больше не заселялись.

Один пункт повторялся.

Печора.

Сура сначала приняла это за название реки. Потом нашла адрес. Населённый пункт. Старая станция.

Часть материалов программы ПЧ-17 отправили туда примерно за двести лет до настоящего дня. Позже к ним добавились полевые журналы северной экспедиции.

— Печора, — повторил координатор. — Есть такое место сейчас?

Никто не ответил сразу. Сура открыла современную карту. Поиск не дал результата. Она попробовала старые слои. На экране одна карта легла поверх другой. Реки совпадали лучше городов. Железнодорожные линии — хуже.

Часть старых населённых пунктов исчезла полностью. Сура нашла Печору по координатам. Потом убрала исторический слой. На её месте стояло другое название.

Карал.

Несколько секунд никто не говорил.

— На севере, — наконец произнёс координатор.

Сура кивнула. Очень далеко от Анутры.

И почти в противоположной стороне от маршрута, по которому они шли до сих пор.

— Это точно та же точка? — спросили сзади.

Сура сверила координаты ещё раз.

— Не точка в точку. Современный город разросся дальше. Но старая Печора была здесь.

Она увеличила карту.

Карал занимал район бывшего транспортного узла и часть территории вокруг реки. На современной схеме старые границы почти потерялись под новой застройкой.

— Значит, архив мог не сохраниться. Город мог построиться поверх станции. Всё это могло исчезнуть ещё сто лет назад.

Сура повернулась.

— Именно поэтому нужно проверить.

Координатор посмотрел на неё.

— Мы только что приехали на юг. После трёх месяцев в Ксилоне.

— Это тоже помню.

— А теперь предлагаешь развернуться и идти на север.

Сура показала на экран.

— Я предлагаю идти туда, где находится единственный известный нам след исходных материалов, которые использовали люди, исследовавшие Архангел до того, как его последствия окончательно превратились в набор разрозненных классификаций.

— Если они там. Хороший план.

— Лучше текущего. Текущий заканчивается в Анутре.

Координатор провёл рукой по лицу.

— Давай сначала выясним, что именно отправили в Печору.

Сура улыбнулась.

— Наконец разумное предложение.

Это заняло ещё два дня.

Часть документов приходилось восстанавливать по копиям. Один реестр существовал только на бумаге. Другой хранился на повреждённом накопителе и открывался через раз.

Сура впервые за долгое время почти не думала ни о дороге, ни о Ксилоне.

Работа поглотила всё. Именно поэтому она заметила перемену не сразу.

Материалы Печоры относились к одной конкретной северной программе, но внутри неё постоянно появлялась полевая экспедиция, ушедшая ещё дальше.

Название экспедиции в разных документах отличалось. Номер совпадал. Состав частично тоже. В нескольких отчётах фигурировал исследователь по фамилии Громов. В другом — врач Тамара Савина.

Сура записала имена без особого интереса. Пока они были просто людьми, умершими двести лет назад.

Гораздо важнее было то, что экспедиция работала с необычной зоной севернее Печоры.

Описание сохранилось плохо. Лес. Резкое изменение локального климата. Аномально активная растительность. Разрушенный населённый пункт. Большой водоём.

И серия наблюдений за человеческой физиологией, которая в официальных архивах обрывалась практически сразу после начала.

Сура перечитала список.

— Где продолжение?

Егор Платонович пожал плечами.

— Если бы было здесь, вы бы уже нашли.

— Почему тогда Архангел ссылается на материалы этой программы?

— Возможно, часть вернулась отдельно.

— Куда?

— Не знаю.

Это начало раздражать. Сура снова подняла административные записи. Из Печоры часть архивов позднее ушла на юг. Часть потеряна. Часть осталась на месте. А документы той экспедиции...

Ничего.

Словно после определённой даты люди перестали существовать.

— Так не бывает, — сказала она.

Егор Платонович поднял голову от своего стола.

— Что именно?

— Экспедиция не может просто исчезнуть из документооборота.

— Может. Особенно двести лет назад.

— Люди получают снабжение. Передают отчёты. Оформляют транспорт. Если группа вернулась, должен быть след. Если не вернулась, тоже.

Архивист некоторое время смотрел на неё.

— Вы очень верите в бумажную работу.

— Нет. Я верю в человеческую неспособность сделать что-нибудь большое без того, чтобы где-нибудь не осталась накладная.

Егор Платонович усмехнулся.

Накладная нашлась вечером. Не та, которую Сура искала. Список оборудования, переданного на северную станцию после возвращения части группы. Часть группы. Она замерла. В приложении были фамилии.

Громов — есть.

Савина — нет.

Ещё несколько человек отсутствовали. Сура открыла следующий документ. Снова неполный состав. Потом запись о транспортировке архивных контейнеров. Получатель — северная станция Печора.

Она почувствовала знакомое возбуждение, то самое, которое появлялось, когда разрозненные факты вдруг начинали складываться в систему.

Не ответ. Контур.

Они вернулись не все. Что-то привезли. Что-то сохранили в Печоре.

Позднее именно эти материалы использовали люди, изучавшие механизмы адаптации, а затем — исследователи Архангела.

Сура откинулась на спинку стула. За окном уже давно стемнело. Егор Платонович собирал бумаги.

— Закрываемся.

Она не отреагировала.

— Пять минут.

Он вздохнул.

— Пять.

Она снова открыла старую карту. Печора. Север. Старая экспедиция. Фрагменты исследований адаптации.

И где-то дальше — зона, которую двести лет назад описали настолько странно, что современные исследователи сочли бы отчёт ошибкой приборов или плохой шуткой.

Сура увеличила координаты. Карал. Впервые название перестало быть просто точкой на современной карте. Теперь оно закрывало собой старую Печору.

И, возможно, то, что там когда-то решили сохранить.

На следующее утро группа спорила почти два часа. На этот раз Сура слушала. Это даже её удивило. Возражения были хорошими. Дорога на север длинная. Карал далеко. Никто не знает, сохранился ли архив.

Даже если сохранился, доступ никто не гарантирует. Они уже серьёзно выбились из первоначального маршрута. И главное: связь между старой северной программой и Архангелом пока была косвенной.

Сура записывала аргументы, не перебивая.

Когда все закончили, она разложила документы на столе.

— Мы знаем, что ранние исследователи Архангела использовали материалы программы адаптивной физиологии. Знаем, что часть исходных данных этой программы прошла через Печору. Знаем, что там же хранились материалы северной экспедиции, после которой в документах появляется разрыв. И знаем, что на месте Печоры сейчас Карал.

Она подвинула карту.

— Это не доказательство того, что там есть ответ. Это доказательство того, что там есть следующий источник.

Координатор посмотрел на остальных.

— А если ничего?

Сура пожала плечами.

— Тогда у нас будет очень дорогой способ убедиться, что ничего.

Кто-то засмеялся. Она продолжила:

— Экспедицию собирали не для того, чтобы подтвердить уже известное. Если хотим понять природу Архангела, нам придётся идти туда, где сохранились исходные данные, а не туда, где дорога удобнее.

На этот раз никто не возразил сразу. Сура заметила это. До Ксилона после такой фразы спор продолжился бы. Теперь люди сначала смотрели на неё. Не потому, что она стала умнее за три месяца. Потому что однажды уже настояла на решении, которое казалось лишней тратой времени, и в Ксилоне теперь была вода.

Связь была логически сомнительной. Но человечески очень понятной. Сура почувствовала удовлетворение. И почти сразу насторожилась.

Доверие было приятным ресурсом. А приятные ресурсы хотелось использовать чаще.

Она записала это мысленно и вернулась к карте.

— Сначала нужно выяснить дорогу.

Последний вечер в Анутре Сура провела в архиве. Не потому, что осталось что-то конкретное. Просто не хотелось уходить.

На столе лежали копии документов, собранные за несколько дней. Чужие почерки. Таблицы. Старые индексы. Пожелтевшая бумага, которую кто-то двести лет назад аккуратно подписал, не подозревая, что от этой подписи однажды будет зависеть маршрут людей, живущих в совершенно другом мире.

Сура провела пальцем по краю одного из листов. История всегда выглядела красивее издалека. Катастрофы получали названия. Эпохи — даты.

На самом деле всё держалось на том, что кто-то вовремя записал номер контейнера. Не выбросил журнал. Закрыв дверь. Перенёс ящик из сырого помещения. Оставил фамилию.

Мир мог погибнуть очень громко. Знание исчезало тихо. Она снова открыла медицинские таблицы ранних лет Архангела.

Закономерность никуда не делась.

Разные люди. Разные изменения. Слишком разные, чтобы говорить о едином результате. И слишком часто функциональные, чтобы перестать думать об этом. Организм словно не просто ломался. Иногда он отвечал. Плохо. Грубо. С огромным количеством ошибок.

Но отвечал.

Сура остановила взгляд на нескольких строках. Если это действительно ответ, должен существовать механизм. Если существует механизм, его можно описать. Дальше мысль пока не шла. И не требовалось.

Сначала Карал. Сначала Печора.

Сначала понять, что двести лет назад увидели люди, чьи работы потом понадобились создателям Архангела.

Она закрыла терминал. Егор Платонович стоял у двери.

— Сегодня даже вы почти вовремя.

Сура посмотрела на часы. Опоздала всего на двенадцать минут.

— Я совершенствуюсь.

Она собрала бумаги. Возле выхода остановилась.

— Если найдём что-нибудь важное, я пришлю копии.

Егор Платонович посмотрел на неё поверх очков.

— Пришлите нормальный каталог.

Сура улыбнулась.

Утром машины развернули на север.

Координатор стоял возле карты и в последний раз проверял маршрут.

— Мы только что приехали оттуда.

Сура застегнула куртку.

— Не совсем.

— Очень успокаивает.

Она посмотрела на линию, уходившую через старые дороги к территории нынешнего Карала.

Под современным названием теперь всегда проступало другое. Печора. Город, которого больше не существовало. Архив, который мог не сохраниться. Экспедиция двухсотлетней давности, половина которой исчезала из документов именно там, где начиналось самое интересное.

Сура забралась в машину.

— Зато дорогу на север уже знаем.

Координатор посмотрел на неё.

— До Ксилона.

— Для начала достаточно.

Машины тронулись. Анутра осталась позади. На этот раз Сура почти сразу открыла планшет. В верхней строке нового маршрута стояло современное название. **Карал.**

Ниже, в её собственных пометках: **бывшая Печора.**

Глава VII

Перекрёсток

До Перекрёстка добрались через несколько дней после Анутры.

Первые сутки Сура почти не замечала дороги. Она сидела у окна с планшетом на коленях и снова перебирала скопированные архивные записи, будто за время пути в них мог появиться ещё один слой смысла. Печора повторялась в транспортных ведомостях, списках оборудования, регистрационных номерах полевых групп. Чаще всего рядом шли сухие слова: «передано», «принято», «перемещено на северную станцию». Только несколько документов касались той экспедиции, после которой часть материалов исчезала из официального учёта.

Громов. Савина. Ещё семь фамилий.

Сура уже запомнила их.

Она пыталась восстановить не столько события, сколько структуру: кто уехал, кто вернулся, что привезли обратно, какие данные позднее использовали исследователи Архангела. Пока получалась линия с большими пустотами. Больше всего раздражали именно пустоты.

На третий день координатор забрал у неё планшет.

Сура подняла голову.

— Верни.

— Через полчаса.

— Я работаю.

— Поэтому и забрал. Нам нужно решить, с чем мы едем дальше.

Он положил перед ней список запасов.

После трёх месяцев в Ксилоне и нескольких дней в Анутре экспедиция выглядела значительно лучше, чем могла бы, но север требовал другого расчёта. Топливо ещё можно было пополнить по дороге. С лекарствами хуже. Запасные фильтры почти закончились. Один комплект аккумуляторов уже держал заряд хуже расчётного, а часть тёплой одежды вообще не предполагала маршрут, который теперь появился на карте.

Сура пролистала список.

— В Анутре можно было купить всё это.

— Можно было. До того, как мы узнали, что идём в Карал.

Он ткнул пальцем в строку с зимним снаряжением.

— Через два дня Перекрёсток. Там проще собрать всё сразу и найти людей, которые знают северный маршрут.

Название она слышала. Торговый узел, выросший там, где сходились несколько старых дорог. Не город и не совсем поселение. Караваны останавливались там настолько часто, что кто-то однажды решил построить постоянный склад. Потом рядом появился второй. Потом мастерская. Потом жильё. Дальше процесс, по всей видимости, остановить уже не смогли.

Сура вернула список.

— Хорошо. Полчаса прошло?

— Три минуты.

— Тогда ты очень медленно объяснял.

Планшет ей всё-таки вернули.

Перекрёсток начинался задолго до самого здания.

Сначала появились стоянки. Грузовые машины, повозки, несколько старых автобусов, превращённых в передвижные склады. Потом вдоль дороги вытянулись мастерские под металлическими навесами. Ещё дальше стояли временные палатки, торговые столы, цистерны с водой и топливом.

В центре возвышалось огромное довоенное здание, когда-то бывшее торговым комплексом.

Перекрёсток ещё не успел вырасти до тех размеров, которые приобретёт позднее. Часть верхних этажей пустовала, несколько наружных секций стояли закрытыми, а постоянные постройки вокруг можно было пересчитать без особого труда. Зато людей хватало.

Разговаривали одновременно десятки человек. Под навесами торговались за детали, у входа разгружали ткань, кто-то проверял двигатель прямо посреди прохода. Женщина продавала лекарства рядом с мужчиной, у которого на столе лежали ножи, аккумуляторы и сушёная рыба. В нескольких метрах от них двое спорили о цене генератора так громко, будто от итоговой суммы зависела судьба континента.

Сура вышла из машины и остановилась.

Никакой общей системы она сначала не увидела.

Потом заметила, что машины распределены по секторам. Караваны с запада ставили отдельно от северных. Возле складов постоянно дежурила охрана, но у каждой была своя форма или вообще не было формы. На стенах висели объявления о перевозках, продаже товаров, поиске людей и утерянных грузах. Кто-то поверх старой рекламы краской написал:

МАРШРУТЫ — ВТОРОЙ ЭТАЖ.

Ниже другой рукой добавили:

НЕ ВЕРЬТЕ ПЕРВОМУ, КТО НАЗОВЁТ ЦЕНУ.

Сура улыбнулась.

Координатор подошёл сзади.

— Через четыре часа встречаемся здесь. Продукты и топливо берём сами. Тебе поручаю лабораторные расходники.

— Почему мне?

— Потому что, если отправить тебя покупать что-нибудь ещё, вернёшься с центрифугой.

— Если здесь есть хорошая центрифуга, её всё равно стоит посмотреть.

Он ушёл, не ответив.

Сура ещё немного постояла перед зданием, разглядывая движение людей.

Здесь не было ничего похожего на Анутру. Там существовали правила, учреждения, ответственные лица. Ксилон держался на практической необходимости: если никто не починит насос, воды не будет.

Перекрёсток работал иначе. Каждый хотел своего.

И этого почему-то хватало.

Семью Тополевых ей назвали дважды за двадцать минут.

Первый продавец сообщил, что батареи лучше брать у них, если нужны настоящие, а не перебранные три раза корпуса. Второй посоветовал обратиться к Демиду Тополеву насчёт северного снаряжения и добавил, что торговаться с ним можно, но бессмысленно.

Сура решила проверить второе утверждение.

Тополевы занимали часть первого этажа в боковом крыле старого комплекса. Снаружи место выглядело одновременно складом, магазином и небольшим постоянным двором. Возле стены стояли ящики с маркировкой маршрутов, внутри несколько человек сверяли списки и переносили груз.

Мужчина за длинным столом поднял голову, когда Сура представилась.

Демиду было чуть за тридцать. Может, немного больше. Он выслушал её, не перебивая, взял список и начал читать.

Не цену. Сам список. Это Суре понравилось.

— Карал? — спросил он.

— Да.

— До города или дальше?

Она задержала взгляд на его лице.

— Почему спрашиваете?

— Потому что человек, который едет в Карал на неделю, и человек, который собирается после него лезть на север, покупают разные вещи.

Сура села напротив.

— Пока нам нужен Карал.

Демид кивнул и ничего больше не спросил. Он вычеркнул две позиции, возле трёх поставил другие обозначения и добавил несколько строк.

Сура наклонилась ближе.

— Зачем нам столько батарей?

— Вам — незачем.

— Тогда почему они в моём списке?

— Потому что в Карале батареи нужны всегда. Если захотите получить что-то от местных, лучше иметь то, что нужно им.

— Мы не торговая экспедиция.

— Сейчас нет.

Он продолжил писать.

— Медикаменты возьмите с запасом. Фильтры тоже. Хорошую ткань. Кофе, если найдёте место в грузе.

Сура посмотрела на последнюю строку.

— Кофе?

— Люди на севере тоже люди.

Аргумент был достаточно убедительным. Она прочитала список ещё раз.

— Вы часто ходите в Карал?

— Я — нет. Караваны ходят.

— Нам нужен человек, который знает маршрут.

Демид отложил карандаш.

— Это уже проще.

В дальнем конце склада что-то тяжело ударилось о дерево. Один из работников выругался. Демид даже не повернул головы.

— Данила, не трогай нижний ряд.

— Он съехал.

Голос был детский. Сура машинально посмотрела туда.

Мальчик лет девяти стоял возле тележки с коробками. Верхний ящик накренился настолько, что должен был упасть. Несколько секунд Сура не понимала, почему он не падает.

Потом ящик медленно вернулся на место. Руки мальчика коснулись его только в самом конце. Рабочий рядом затянул ремень, ничего не комментируя. Сура перевела взгляд на Демида.

Тот всё-таки заметил.

— Сын. Данила.

Мальчик посмотрел в их сторону, потом снова занялся грузом. Сура наблюдала ещё несколько секунд.

— Арх?

— Да.

— Телекинез проявился давно?

Демид ответил не сразу. Не потому, что не знал. Сура узнала этот взгляд. Так смотрели родители, когда врач слишком быстро переставал говорить о ребёнке как о ребёнке. Она закрыла список.

— Простите. Профессиональная привычка.

Напряжение исчезло почти сразу.

— Лет с пяти, — всё-таки сказал Демид. — Сначала мелочи. Сейчас сильнее.

Сура снова посмотрела на мальчика. Он не играл способностью. Не пытался поднимать предметы ради интереса. Просто заметил падающий ящик и удержал.

— Хороший контроль.

— Мы над этим работаем.

Демид вернулся к списку. Сура тоже. Имени оказалось достаточно.

Через час почти всё нужное было найдено.

Пока работники собирали заказ, Демид отвёл Суру к карте маршрутов. Она занимала половину стены и больше напоминала следы множества отдельных решений, чем нормальную транспортную схему. Одни линии были нанесены краской, другие карандашом, третьи существовали только в виде приколотых записок.

Карал находился далеко на северо-востоке.

— Отсюда почти две недели, если дорога нормальная, — сказал Демид. — Иногда быстрее. Иногда сильно дольше.

— Почему никто не даёт одинаковое время?

— Потому что дорога не читает расписание.

Сура провела пальцем по линии.

— Нам нужен человек, который доведёт экспедицию до города. Не просто покажет направление.

— Есть Мирон. Каралец. Несколько лет ходит сюда с северными караванами. Сейчас возвращается домой.

— Когда?

— Послезавтра утром.

— Мы можем присоединиться?

Демид усмехнулся.

— Вы можете заплатить.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Но если Мирон скажет остановиться, останавливайтесь. Если говорит, что дорогу надо обходить, не объясняете ему, что на карте она прямая.

Сура приподняла бровь.

— У меня настолько плохая репутация?

— У вас здесь никакой. Я просто видел учёных.

Она решила не спрашивать.

Мирон пришёл ближе к вечеру.

Невысокий, широкий в плечах, в тёмной куртке, слишком тёплой для погоды Перекрёстка. Лицо обветренное, волосы короткие, с ранней сединой на висках. Он поздоровался с Демидом, посмотрел на грузы и только потом на людей.

Русский у него был свободным, но не совсем привычным. Иногда окончания исчезали, иногда слова вставляли в другом порядке. Особенно когда он говорил о дороге.

— Пять машина?

— Четыре, — ответил координатор. — Пятая только до промежуточной стоянки.

Мирон кивнул.

— Хорошо. Меньше машина — меньше ждать, когда одна сломается.

Сура спросила:

— Дорога настолько плохая?

Он посмотрел на неё.

— До Карал дорога есть. Хороший — не всегда.

Этим вопрос для него был исчерпан. Демид передал ему бумаги. Мирон просмотрел их, задержался на списке запасов и указал пальцем на батареи.

— Это правильно.

— Я сказал то же самое, — заметил Демид.

— Ты южный бэе. Иногда тоже правильно говоришь.

Демид не обиделся. Очевидно, разговор был старый. Мирон перелистнул страницу.

— Завтра иманна может быть. Немного. Потом дорога сухой станет, быстро пойдём.

Сура остановилась на незнакомом слове.

— Иманна — это снег? Какой именно?

Мирон посмотрел наружу, будто ответ находился там.

— Мягкий. Новый. Без ветер. След держит недолго. Если ночь холодный будет, сверху корка даст.

Он увидел её интерес и добавил уже почти правильно:

— У вас всё снег. У нас он разный. Иначе далеко не уедешь.

Сура хотела спросить ещё, но Демид уже обсуждал с ним груз. Она отложила вопрос.

До Карала будет время.

Ночевать решили на Перекрёстке.

Сура рассчитывала провести вечер над записями Анутры, но после часа перед экраном поняла, что читает одну и ту же строку в четвёртый раз.

Она вышла.

Перекрёсток не затихал с наступлением темноты. Он просто менял ритм. Дневные продавцы закрывали прилавки, возле складов начинались погрузки, открывались маленькие кухни и ночлежки. Несколько караванов собирались выйти до рассвета.

Сура прошла вдоль первого этажа.

На одном столе продавали технические детали. Через несколько метров другой человек предлагал списки маршрутов. Третий брал деньги за сведения о состоянии мостов к западу. Никто не отвечал за всё место целиком.

И всё же продукты каким-то образом не лежали рядом с топливом, грузовые машины не перекрывали проходы, а человек, пытавшийся вынести чужой ящик, очень быстро познакомился сразу с тремя вооружёнными мужчинами из разных складов.

Сура остановилась возле перил второго уровня. Отсюда устройство Перекрёстка было видно лучше. Не порядок. Равновесие.

Интересы пересекались, ограничивали друг друга, иногда сталкивались. Никому не требовалось любить соседей. Достаточно было понимать последствия.

— Красивый вид?

Демид встал рядом.

Сура посмотрела на него.

— Интересный.

— Это вежливый вариант?

— Я пытаюсь понять, почему здесь всё ещё никто никого не убил.

— Иногда убивают.

— Я про систему.

Он проследил за её взглядом.

— У всех слишком много работы.

Сура улыбнулась. Демид опёрся руками о перила.

— Здесь никто не помогает просто потому, что он хороший. Слишком много людей, слишком много дорог. Поэтому договариваются. Ты мне — я тебе. Сделка закончилась — долг закончился. Не идеально, зато понятно.

Сура посмотрела на торговые ряды внизу.

— И, если кто-то нарушает?

— С ним в следующий раз никто не работает.

— А если у него достаточно оружия?

— Тогда какое-то время работают. Дороже.

Она рассмеялась. Демид тоже улыбнулся, но развивать разговор не стал. Через минуту его позвали со склада, и он ушёл.

Сура осталась. В Ксилоне она три месяца пыталась заставить систему работать лучше. Здесь система выросла сама. Не из общего замысла.

Из тысяч маленьких выгод.

Утром Данила сидел за столом возле отцовского склада и считал упаковки батарей. Сура ждала, пока закончат загружать их машины, и невольно слышала:

— Сорок восемь.

Работник сверился с бумагой.

— Пятьдесят.

— Там две пустые.

Мужчина открыл коробки. Две действительно оказались пустыми. Демид даже не поднял головы.

— Тогда сорок восемь.

Сура подошла ближе.

— Ты всегда проверяешь взрослых?

Данила посмотрел на неё серьёзно. Он немного подумал.

— Когда груз — всегда.

Сура сдержала улыбку.

— Разумно.

Мальчик вернулся к подсчёту. Рядом двое мужчин поднимали тяжёлый контейнер на платформу. Данила поднялся помочь. Один из них машинально махнул рукой:

— Не надо.

Контейнер уже сдвинулся. Сура заметила едва заметное движение воздуха возле края. Вес на мгновение будто исчез. Мужчины подняли груз значительно легче, чем ожидали. Данила ничего не сказал.

Демид заметил тоже.

— Не расходишься на ерунду.

Мальчик отпустил. Контейнер сразу тяжело сел на платформу. Сура посмотрела на него внимательнее. Телекинез был не единственной причиной. Даже для девятилетнего арха Данила выглядел слишком сильным.

Демид поймал её взгляд.

На этот раз она ничего не спросила. Через несколько лет показатели могли измениться полностью. Детские способности иногда усиливались, иногда стабилизировались, иногда почти исчезали.

Но сочетание было редким.

Она запомнила.

Они вышли с Перекрёстка ещё до полудня.

Мирон ехал в первой машине. Северный караван оказался небольшим: три грузовые, две сопровождающие машины и экспедиция Суры. Часть пути другие группы шли рядом, потом сворачивали на запад или к небольшим поселениям.

Первые несколько дней отличались от прежней дороги только температурой.

Потом Мирон впервые изменил маршрут.

Он попросил остановиться у развилки, вышел и долго смотрел на небо. Потом присел, провёл ладонью по краю старой колеи и растёр снег между пальцами.

Сура подошла.

— Что случилось?

Мирон поднялся.

— Если дальше прямо идти, завтра случится.

Он показал на восток.

— Ветер оттуда. Ночью сильнее будет. На прямой дороге низкое место, иманна туда ляжет. Утром машина животом сядет.

Сура посмотрела на совершенно обычный снег.

— Откуда вы знаете направление ветра ночью?

Мирон указал куда-то вверх.

— Облако.

Потом на снег.

— И это.

Потом на лес.

— Дерево тихий стало.

Для Суры объяснение ничего не объясняло.

— Можно точнее?

Мирон немного задумался. И попытался. Не мистикой. Наблюдениями.

Облака шли быстрее верхнего ветра. Снег стал влажнее, хотя температура падала. На открытых участках корка формировалась с одной стороны. Птицы держались ниже лесной линии.

Отдельно каждый признак ничего не гарантировал. Вместе Мирон считал их достаточными. Сура записала. Он посмотрел на планшет.

— Ты всё записываешь?

— Когда могу.

— Север быстро бумага делает неправильный.

— Тогда исправлю.

Мирон кивнул. Его этот ответ удовлетворил. К вечеру они ушли на запасной маршрут.

Ночью ветер действительно усилился.

Через неделю Сура уже различала два слова для снега.

Понимать, почему Мирон использует одно вместо другого, получалось хуже.

Он не пытался её учить специально. Просто говорил так, как привык. Иногда переходил на почти чистый русский, потом уставал и снова переставлял слова.

— Здесь лёд не хороший. Река снизу тёплый место имеет.

Или:

— До керэн два час. Там ночь лучше делать.

Некоторые слова Сура записывала вместе со значением. Мирон однажды увидел список и долго смотрел.

— Зачем?

— Чтобы понимать.

— Понимать слово мало.

— С чего-то нужно начинать.

Он согласился.

И спустя пару дней сам поправил её, когда она назвала один снег иманной.

— Нет. Это уже другой.

Сура не стала спорить.

Она действительно ещё не видела разницы.

На девятый день заговорили о Карале.

До этого Мирон отвечал на вопросы о дороге, стоянках, погоде. Сам город почти не обсуждал.

Сура дождалась момента, когда они остановились на несколько часов у старого ремонтного пункта. Пока водители проверяли машины, Мирон сидел у стены с кружкой горячей воды.

Она открыла карту.

— В Карале сохранились старые архивы?

Он посмотрел на неё поверх кружки.

— Какие старые?

— Очень старые.

— Тогда Громы.

Сура не сразу ответила.

— Почему Громы?

— Они старый бумаги держат. Карты. Записи. Станция что осталось.

Она села напротив.

— Давно? Насколько?

Он подумал.

— Карал ещё другой был, Громы уже были.

Сура посмотрела на него.

— Другой в каком смысле?

— Меньше. Люди река ближе жили. Потом город вырос. Станция стала внутри.

Он отпил воду.

— Громы там всегда.

Фраза была невозможной буквально. Но Сура уже научилась не цепляться к местным словам слишком рано. Она открыла папку с документами Анутры. Нашла нужную строку.

Громов Василий.

— Вам имя Василий Громов что-нибудь говорит?

Мирон посмотрел на экран, потом на неё.

— Василий много.

— Этот жил примерно двести лет назад.

— Тогда мне не говорит.

Справедливо.

— Но семья действительно старая?

— Да.

Мирон заметил её интерес.

— Ты архив хочешь или Громы?

Сура закрыла планшет.

— Сначала архив.

Он усмехнулся.

— Значит, потом Громы.

Она не стала отвечать.

Карал становился осязуемым раньше, чем видимым.

Дорога опустела.

Поселения попадались реже. Лес становился плотнее, ночи холоднее. Машины утром приходилось прогревать дольше. Мирон перестал проверять погоду только на остановках — теперь делал это постоянно.

К тринадцатому дню Сура уже понимала, почему Демид настоял на батареях.

Два блока пришлось заменить в пути. На четырнадцатый пошёл снег. Не сильный. Мирон назвал его другим словом, которое Сура ещё не записывала.

— Плохо? — спросила она.

— Пока нет. Если ветер придёт — плохо.

Ветра не было. Они двигались дальше. После обеда Мирон неожиданно постучал по крыше машины и попросил водителя сбросить скорость. Сура подняла голову от планшета. Он смотрел вперёд.

— Карал там.

Она посмотрела. Ничего. Белая дорога. Лес. Серое небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.